

Сергей
Зверев

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

СВЯТОЙ:

ЗАБЕЙ СТРЕЛКУ В АДУ!

ЭКСМО

Сергей Иванович Зверев

Забей стрелку в аду!

Серия «Святой»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183714
Забей стрелку в аду: Эксмо; Москва; 2000
ISBN 5-04-005120-4

Аннотация

Они оба – псы войны, только воюют по разные стороны. Отморозок по прозвищу «Ястреб» задумал грандиозный фейерверк – «вторую Хиросиму», а «Святому» в этой игре предназначена роль козла отпущения.

Содержание

Псы войны	4
Глава 1	4
Глава 2	49
Глава 3	95
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Сергей Зверев

Забей стрелку в аду

Псы войны

Глава 1

*Ястреб есть ястреб – птица-мясник, убийца, рожденный убивать всюду и всех, кто движется.
Джеймс Клавел. Сегун*

По проселочной дороге, вившейся между неказистыми дачными домиками старой застройки, бежал полуобнаженный человек. Его череп блестел от пота, зубы выбивали сумасшедшую чечетку. В клубках придорожной пыли, поднятой босыми пятками, беглец казался призраком, заблудившимся среди садов и грядок. Мужчина кричал, обращая то ли к преследователям, то ли к трусливым обитателям дачного поселка.

Но громилы в джипе не знали жалости. Блестящий никелированными дугами радиатор машины угрожающе надвигался на покрытого потом и серой грязью беглеца.

В будний день народу на дачах почти не было. Несколько

стариков копошились на своих делянках, закладывая фундамент будущего урожая. Согнув спины, они не отрывали глаз от взрыхленной земли. Истошные вопли не отвлекали дачников от работы. Точнее, они делали вид, что ничего необычного не происходит и мчащийся почти голышом мужчина – зрелище такое же привычное для этих мест, как для нудистских пляжей где-нибудь в Испании.

Изредка какой-нибудь чрезмерно любопытный старичок поднимал глаза, провожая взглядом странного незнакомца, и тут же склонял голову к земле. Любопытство могло дорого стоить. Трое верзил в запыленном темно-синем джипе эскортировали беглеца, оглашая окрестности отборной матерщиной и жуткими ругательствами. Чрезмерно любопытным пенсионерам тоже доставались солидные порции проклятий и угроз, вылетающих из открытых окон машины. В проеме с опущенным стеклом возникала распаренная, похожая на сварившуюся свеклу рожа и по-звериному рычала на зазевавшегося старика:

– ...Ну, че вылупился, козел! Не в цирке! Копошись в своем навозе, землеройка долбаная, и не зыркай гляделками! Выковыряю!

Троица оглушительно заржала и продолжала преследовать полуобнаженного беглеца. Силы мужчины были на исходе. Он часто спотыкался, падал лицом в придорожную сизую пыль и тяжело поднимался, цепляясь руками за хлипкие заборы у старых, обветшалых дач. Несчастный походил на

затравленного охотниками зверя. Он дико озирался, складывал в молитвенном жесте руки, прикладывая их к груди, и что-то невнятно бормотал. Но вновь пронзительным воплем звучал автомобильный сигнал. Зловещим огнем вспыхивали фары. Несчастный втягивал голову в плечи, вскрикивал тонким захлебывающимся фальцетом, и гонка продолжалась.

Судя по маневрам джипа, преследователи целенаправленно оттесняли жертву за окраину поселка, подальше от людских глаз. Сразу за последними домиками грунтовая дорога шла под уклон, спускаясь к берегу узкой речки. Увидевший голубую ленту воды предводитель преследователей, мордастый здоровяк с родимым пятном на правой щеке, весело гоготнул, обращаясь к компаньонам:

– Хорош мудака гонять! Еще загнется раньше времени!

– Тогда и нам Ястреб башку снесет! – меланхолично перемалывая бульдожьими челюстями комок жевательной резинки, вставил громила, сидевший за рулем.

– Точняк! Ястребу мертвец не нужен! За дохлого штатовца он нам бошки пооткручивает конкретно! – авторитетно подтвердил слова приятеля бритоголовый детина, развалившийся на заднем сиденье джипа.

Главарю с багровым пятном в полщеки разговорчивость подчиненных не понравилась. Он насупился и резко оборвал рассуждения приятелей:

– Завязывайте базар! Загоняем козла на пляж и метелим по полной программе! – Выдержав секундную паузу, главарь

раздраженно добавил – И не надо мне по сто раз напоминать инструкции Ястреба! Не пацан отмороженный и склерозом не болею! Советчики, блин, нашлись!

Водитель в ответ на упреки шефа скептически хмыкнул и добавил газа. Машина двигалась, что называется, впритирку к беглецу. Всего лишь несколько десятков сантиметров отделяли измазанного грязью беглеца от сверкающего никелем бампера «Исудзу-Труппера». Это крохотное расстояние заставляло мужчину бежать, не озираясь и не взывая о помощи. А пассажиры джипа продолжали непринужденный разговор, словно их машина ехала по пустынной скоростной трассе и бегущий человек был всего лишь миражем.

– Скоро сдохнет, – оценил возможности беглеца бритоголовый детина.

– Дотянет до реки, – опроверг предположение приятеля водитель. – Смотри, как резво чешет, марафонец гребаный. Я бы уже загнулся.

– Так ты задницы от сиденья тачки не отрываешь. Только в сортир на своих ходулях и ходишь, – съязвил бритоголовый, полируя поверхность своего черепа широкой пятерней.

Главарь, не принимавший участия в словесной перепалке, напряженно всматривался в прибрежные заросли, окружавшие песчаный пятачок пляжа. Чем ближе джип приближался к речному берегу, тем отчетливее вырисовывалась фигура высокого мужчины, стоявшего в полный рост. Он, по-видимому, рыбачил, облюбовав для этого дела укромное местеч-

ко метрах в двухстах от пляжа. Услышав звук приближающегося автомобиля, мужчина обернулся и, поднеся к глазам ладонь, разглядывал странную процессию.

– Чего тарацишься, урод! – сквозь зубы процедил главарь, раздраженный присутствием свидетеля. Он даже привстал, чтобы получше рассмотреть рыбака.

Уловив беспокойство шефа, бритоголовый тоже приподнялся. Навалившись широкой грудью на спинку переднего сиденья, он секунду изучал фигуру незнакомца, а затем презрительно хмыкнул:

– Будет возникать, накажем лоха вместе с американцем!

– Борзый ты больно, Шарик! – неодобрительно покачивая головой, произнес главарь. – Нарвешься когда-нибудь по-крупному.

Откинувшийся на спинку сиденья громила принял расслабленную позу. Забросив ногу на ногу, он покопошился в кармане брюк и, найдя какой-то предмет, расслабленно улыбнулся:

– Не заводись, Лишай, по пустякам. Отоварим янки как положено и без проблем. Место здесь глухое. Не Рублевка и не Горки-9. У американца в телохранителях только старичье дачное да рыбачок... – наслаждаясь собственным остроумием, бритоголовый детина взахлеб расхохотался.

– Заглохни, Шарик! – рывкнул предводитель команды, продолжая всматриваться в зеленую стену камышей и ивово-листвы.

Смутное чувство тревоги занозой застряло в мозгу главаря. Он не мог себе объяснить, почему оно возникло и в чем причина внезапного беспокойства. Ведь вместе с ним были два проверенных боевика, два надежных парня с железобетонными лбами и оружием в карманах. Они были готовы на все. Лишай знал, что стоит ему приказать и подчиненные разорвут противника голыми руками или будут резать по кусочкам, невзирая на вопли, потоки крови и прочую дребедень. Парни из его команды жалости не знали и сентиментальничать не умели. Они больше походили на цепных псов, чем на людей. Получив команду «фас», боевики не раздумывали, кто перед ними, а выполняли приказ. Впрочем, и сам Лишай был вылеплен из такого же теста.

– Кажись, мужик смылся, – заметил изменения в береговом пейзаже водитель.

Действительно, рыбак исчез. Словно растворился среди зелени прибрежных зарослей. При этом ни одна ветка, ни один стебель камыша не шелохнулись. Незнакомец как будто растаял в воздухе. Это обстоятельство окончательно вывело главаря из себя. Он ожесточенно почесал родимое пятно, которому был обязан неблагозвучной, намертво приклеившейся еще с юношеских лет кличкой. Повертев головой, Лишай осмотрел окрестности. Дачный поселок остался позади.

Джип достиг подножия склона, скатившись в низину. Беглец продолжал бежать по прямой, не догадываясь свернуть на обочину. Впрочем, кругом простирались луга, по кото-

рым новенький внедорожник мог двигаться, не сбавляя темпа. До ближайшего леска, выделявшегося на горизонте зубчатой линией вершин, было далековато. Расстояние до спасительного леса для затравленного преследователями марафонца было непреодолимым препятствием. Силы окончательно покинули беглеца.

Согнувшись пополам, схватившись руками за живот, бедолага свернул к воде. Не подозревая, он двигался по маршруту, намеченному преследователями. Джип следовал за ним. С легкостью преодолев неглубокую канаву обочины, «Исудзу-Труппер» гнал несчастного к воде. Предчувствуя финальный этап охоты, трое бандитов оживились. Их лица напряглись, а губы кривились в хищных ухмылках. Бритоголовый, отличавшийся садистскими наклонностями, в предчувствии скорой расправы над затравленной жертвой начал издавать омерзительные звуки, напоминающие то ли чавканье, то ли похрюкивание. Он вертелся как на иголках, попеременно то приподнимаясь, чтобы получше рассмотреть жертву, то тяжело плюхаясь на сиденье джипа.

– Дави козла! – по-щенячьи взвизгивал бритоголовый детина.

Выбрасывая из-под колес струи песка, машина подъехала к самой кромке воды и остановилась. Изнеможенный гонкой беглец стоял лицом к реке, лишь изредка пугливо оборачиваясь на преследователей. Водную преграду, пусть даже такую пустяковую, как узкая речушка, он не решил фор-

сировать. Впрочем, ему это было и не под силу. Бледность с каким-то фиолетовым оттенком заливала лицо мужчины. Его округлый живот, казалось, жил самостоятельной жизнью: он то раздувался, как воздушный шарик, то пропадал где-то под ребрами. Выпученные глаза беглеца, подернутые белесой пленкой животного страха, отражали окружающий пейзаж. Мужчина бессмысленно тарачился на гладь воды, словно собирался нырнуть или утопиться. Его ноги, согнутые в коленках, произвольно дрожали.

Остановившись в метре от жертвы, преследователи несколько секунд не покидали машину. Они наслаждались видом затравленного человека, застывшего в комической позе. Наконец, выдержав паузу, главарь распахнул двери. Нога Лишая, обутая в тупоносый щегольской ботинок, ступила на песок.

– Ну что, янки паршивый, набегался? – проникновенно произнес бандит. – Как «дурь» пригоршнями нюхать, так ты горазд, а как «бабки» по счетам платить – ты шлангом прикидываешься?!

– Я не понимаю... – с акцентом, выдававшим в говорившем иностранца, ответил загнанный в воду толстячок.

Он старался выглядеть храбрым и независимым, но от этого выглядел еще более смешным. Его лысая голова с венчиком взлохмаченных светлых волос подрагивала в такт вибрирующим ногам. Произвольно сжав кулаки, толстяк подался вперед, чем окончательно развеселил компанию.

Присоединившийся к шефу этого карательного мини-отряда бритоголовый весело заржал:

– Ты посмотри, Моня! Нет, ты только посмотри! Этот урод еще гоношится! Кулачками помахать хочет! Эй, мистер, трусы подтяни и перестань колотиться. Самое интересное еще впереди. Ты сейчас сделаешь со мной то, что Моника с вашим президентом!

Водитель джипа, немногословный громила, решил подержать приятеля-шутника. Выразительным жестом он щелкнул по ширинке черных джинсов. Растопырив руки точно для пылких объятий, Моня устремился к мужчине. Бандит игриво подмигивал, сюсюкал, вытянув губы трубочкой:

– Давай, парнишка, не стесняйся! Здесь никого нет! Оттянемся с тобой все по разочку, может, должок спишем... если понравится!

Продолжая кривляться, верзила вступил в воду. Вопреки его ожиданиям мужчина не стал пятиться. Он стоял, наморщив лоб, словно пытаясь до конца понять смысл грязной шутки. На самом деле мистер Стивен Хоукс, специалист по ликвидации твердотопливных двигателей баллистических ракет, подданный Соединенных Штатов, отлично понимал по-русски. Два раза повторять ему не требовалось.

У каждого человека есть предел унижения, ниже которого он опуститься не может. Мокрый, обсыпанный пылью, точно крендель сахарной пудрой, в сползающих по дрожа-

щим бедрам трусах, Стивен Хоукс был доведен до последней черты. Зрачки его глаз внезапно сузились, превратившись в две черные точки, а подбородок выпятился вперед, придавая круглому лицу одновременно оскорбленное и надменное выражение. Американец втянул живот, расправил плечи и шагнул по направлению к своим мучителям. Троица с любопытством уставилась на него. Вид взбунтовавшейся жертвы был забавен. Вряд ли пухлый, давно утративший физическую форму Стивен Хоукс мог представлять серьезную угрозу трем здоровенным битюгам, стоявшим на берегу.

– Сволочи! Чего вы от меня хотите! – не доходя полуметра до главаря, закричал американец.

Судя по ссадинам и кровоподтекам на теле, ему уже серьезно досталось. На правом боку мужчины багровое пятно растекалось от подмышки до поясницы. Несколько глубоких царапин кровоточило на груди Хоукса. Приблизившись к троице, он размахнулся ногой, точно заправский футболист, и ударил по воде.

– Что вам надо?! – Обида и унижение звучали в крике толстячка.

Фейерверк брызг из воды и придонного ила окатил не успевших вовремя отступить бандитов с ног до головы. Особенно досталось высунувшемуся вперед бритоголовому громиле Шарикю. Какая-то длинная водоросль зеленой соплей повисла на перекошенной от злобы физиономии бандита. Смахнув ленту водоросли с лица, Шарик ринулся к амери-

канцу. Его рука инстинктивно скользнула к поясу джинсов, под короткую куртку. Из-под задравшегося подола куртки зловеще чернела рукоять пистолета.

– Не трогай «ствол»! Вытащи урода на берег! – предупредил главарь, возбужденно потирая руки.

Шарик подчинился. Ладонь его руки, скользнув по рифленой поверхности рукояти пистолета, сжалась в кулак. Преодолев расстояние несколькими короткими прыжками, верзила притормозил, чтобы оттолкнуться от речного дна и в невысоком прыжке поднятой правой ногой садануть толстячка в грудь. Однако эффектный удар не получился. Собрав все остатки сил, американец проявил необычайную для его упитанной комплекции прыть.

Он вовремя отшатнулся, уклоняясь от удара. Толстая, рифленая подошва ботинка бандита описала дугу в пустоте. В то же мгновение потерявший равновесие Шарик, наклоняясь всем корпусом, подался вперед. Но он не успел упасть. Резко выбросив руки перед собой, Стивен Хоукс обхватил щиколотку правой ноги бандита. Какую-то долю секунды они смотрели друг на друга, ничего не предпринимая. Шарик, балансируя, размахивал руками, чтобы устоять на одной ноге, а американец оценивающе осматривал массивную тушу противника. Найдя подходящую точку, Хоукс вскинул руки вверх и разжал пальцы, стискивавшие щиколотку ноги громилы. Из горла падающего навзничь Шарика вырвался яростный вопль, переходящий в хриплое булька-

нье. Кулак американца настиг бандита раньше, чем он успел шлепнуться в воду.

Короткий, без замаха удар получился знатным. Кулак буквально впечатался в солнечное сплетение Шарика. Хватая посиневшими губами воздух, бандит упал. Речная вода расступилась, чтобы принять массивную тушу бритоголового ублюдка.

Эти действия были скорее актом отчаяния, нежели решительным сопротивлением. Американец не перешел в контрнаступление. Напротив, он словно окаменел, наблюдая, как под дружный гогот приятелей барахтается в помутневшей воде разъяренный верзила. Боевой пыл американца оказался всего лишь вспышкой гнева, сменившейся обреченной растерянностью человека, у которого не осталось никаких шансов избавиться от могущественных врагов. Опустив руки по швам, Стивен Хоукс смотрел, как встает на ноги бритоголовый здоровяк.

Шарик, промокший насквозь, вставал медленно. Он дергался всем телом, отряхиваясь от влаги. В этот момент бандит был похож на огромную беспородную псину с оскаленными клыками, готовую перегрызть противнику глотку. Налитые бешенством глаза громилы стали совершенно безумными.

– Все, сучара, заказывай место на кладбище! – шипел взбешенный амбал, надвигаясь на застывшего американца. – Помолись, паскуда, в последний раз! Здесь тебе не Югосла-

вия, рога в момент поотшибаю...

Внимательно прислушивающийся к проклятиям главарь карательного мини-отряда, зная необузданный нрав бритоголового, повторил предупреждение:

– Полегче, братан! Не забей барана до смерти! Ястребу он нужен живым. Вытаскивай клиента на сушу! Мы ему мозги вставим!

Верзила не откликнулся на предупреждение шефа. Лишь едва заметно кивнул головой. Продолжая гипнотизировать жертву красными, словно у кролика, выпученными глазами, Шарик шаг за шагом продвигался вперед. Он даже перестал материться, накапливая ярость внутри. На берегу тоже воцарилось молчание. Операция вступала в заключительную стадию...

На сей раз, избавившись от чрезмерной самоуверенности, Шарик был более собранным и ошибок не допускал. Хорошо поставленным профессиональным ударом в переносицу бандит оглушил американца. Голова Хоукса мотнулась в сторону, а рыхлое, едва тронутое загаром тело осело на полусогнутых ногах. Но упасть он не успел. Растопыренной пятерней бандит сгреб волосы Хоукса, одновременно ребром ладони правой руки ударяя по месту, где шейные позвонки соединяются с основанием черепа. Мужчина глухо охнул. На его губах выступила розовая пена из слюны, смешанной с кровью. Для убедительности верзила с бычьим загривком саданул свою жертву коленом в грудь. Американец переломился

пополам и встал на четвереньки.

Подгоняемый пинками, Хоукс пополз к берегу, где его уже жаждали приятели коротко стриженного громилы. Им не терпелось размяться, принять участие в экзекуции. Лишай и Моня, возбужденные видом крови, топтались на берегу, как застоявшиеся лошади, зычными восклицаниями подгоняя товарища.

– Давай, Шарик, залимонь америкашке пенделя! – вопил обычно немногословный Моня.

– Поддай газку! Пусть поскорее поршнями шевелит. Это ему не по Бродвею рассекать! – басил Лишай, яростно почесывая ставшее фиолетовым родимое пятно.

Увлеченные своим занятием, они не замечали ничего вокруг, чувствуя себя в полной безопасности. Пустынный берег, малолюдный дачный поселок, отдаленный от оживленных трасс, никаких стражей правопорядка в радиусе как минимум километров пять были идеальными условиями для жестокой разборки. Здесь только они имели право карать и миловать. Это чувство пьянило троицу, прибавляло куража.

А между тем в окружающем пейзаже происходили едва заметные изменения. То мимолетная тень скользнула по желтой кромке прибрежного песка, то качнулись ветви зарослей ивняка, подступающего к пяточку пляжа, то, захлопав крыльями, взмыла в небо испуганная птица.

Но крепкие парни в дорогой одежде, с серебряными и золотыми цепями на шеях, напоминающими по размерам

ошейники для бульдогов, на подобные мелочи внимания не обращали. Они ведь не были таежными охотниками или следопытами из романов про индейцев. Парни относились к многочисленной касте российской братвы, а точнее, к ее худшей части, метко прозванной отморозками. Наблюдать за тенями, порхающими птицами и прочими обыденными явлениями природы им было недосуг. Троица выполняла заказ. Причем выполняла с увлечением, как говорят, с огоньком и фантазией.

– Ну что, гад! По-хорошему договариваться не хочешь? – присевший на корточки главарь двумя пальцами левой руки поддерживал подбородок американца.

Тот по-прежнему стоял на четвереньках в унижительной позе. Изредка Хоукс сгибал руки в локтях, намереваясь опустить лицо в воду, чтобы утолить нестерпимую жажду или смыть кровь. Едва американец предпринимал такую попытку, как тут же следовал удар под ребра. Бил все тот же неутолимый Шарик, обозленный неудачным купанием. Иногда бедолагу Хоукса награждал тумачами молчун-водитель, не желавший отставать от товарища. Но главную роль в происходящем все же исполнял предводитель тройки, Лишай. Он вполне владел собой, не сыпал попусту матюками и угрозами, не размахивал зря руками. Говорил Лишай вкрадчиво, почти ласково, старательно произнося каждый звук:

– Ты русский язык понимаешь?

– Понимаю, – скривившимися от боли губами прошептал

американец.

– За «дурь» платить надо. Ястреб тебе хороший вариант предложил, а ты кочевряжишься. На телефонные звонки не отвечаешь. В глухомань зашился. Ты что, в прятки решил поиграть?! А? Так мы тебя из-под земли выщемим! Понадобится, из-подо льда на Аляске выколупаем.

Свободной рукой Лишай достал из нагрудного кармана рубашки пачку сигарет. Встряхнув, он ловким движением выдвинул одну сигарету и, зажав в зубах, прикурил от огня зажигалки, услужливо поднесенной водителем джипа. Глубоко затянувшись, Лишай пыхнул клубом сизого дыма в лицо жертвы. Хоукс сморщился и закашлялся, стараясь при этом отвернуться.

– Не нравится? – наигранно-удивленно поинтересовался командир троицы. – Классные сигареты. Ваши, штатовские. Может, закуришь?

Американец отрицательно качнул головой.

– Я отдам деньги, – тихо произнес Стивен Хоукс, в настоящем инженер по утилизации отслуживших свой срок ракетных двигателей, а в прошлом офицер Военно-морских сил Соединенных Штатов. – Вернусь домой и переведу деньги на счет любого банка в любой стране мира. Я знаю, что долги надо отдавать, но никаких просьб я выполнять не буду! Это противозаконно.

Выдав длинную тираду, инженер замолчал, облизывая языком кровоточащие губы. Он поднял глаза, чтобы увидеть

реакцию своего мучителя. Округлая словно блин рожа Лишай скривилась от возмущения:

– Противозаконно?! Травку смолить и порошок нюхать противозаконно. А друзьям не помогать у нас западлом называется. На...ть на твои «бабки». Тебя о другом просят, по-человечески просят. Но ты, я вижу, не врубаешься.

Откинув голову назад, Лишай резко подался вперед, нанеся коварный удар. Его скошенный, узкий обезьяний лоб вцепился в переносицу Хоукса. Противный звук ломающейся кости заглушила звонкая оплеуха. Это быстро сориентировавшийся Шарик почти синхронно с шефом саданул инженера по затылку. Американец распластался, уткнувшись лицом во влажный песок. Подчиняясь инстинкту самосохранения, он скорчился, обхватил голову руками, подтягивая колени как можно ближе к подбородку.

Удары градом посыпались на бедолагу, имевшего неосторожность задолжать свирепой троице. Хоукса молотили словно сноп, равномерно обрабатывая все стороны его подернутого слоем жирка тела. Иногда Шарик нагибался, приподнимал за волосы голову американца и с явным наслаждением плевал тому в глаза. Зачем он проделывал столь бесполезные и бессмысленные действия, было непонятно даже приятелям бритоголового. Наверное, иного варианта унижения распаленный мозг питекантропоподобного ублюдка в данный момент придумать не мог.

С полминуты интенсивно поработав ногами, бандиты сбав-

вили темп. Хоукс не шевелился, только громко стонал, загребая под себя песок, окрашенный кровью.

– Зарыться, что ли, хочет? – высказал предположение Шарик. – Командир, мы, кажись, перестарались. Фарш из мужика сделали.

Избиение прекратилось. Главарь снова присел и, взявшись за плечо, перевернул инженера. Хоукс был в сознании. Разлепив губы, американец тихо прошептал ругательство, ставшее благодаря голливудским боевикам понятным даже не сведущим в иностранных языках отморожкам:

– Fuck you!

Лишай медленно поднялся, переглянулся с приятелями. Трое громил стояли над избитым мужчиной, соображая над планом дальнейших действий. В деле с американцем имела одна загвоздка: клиента надо было обработать аккуратно, не нанося тяжелых физических увечий. Таков был приказ, послушаться которого они не смели. Человека, отдававшего распоряжения, эти отморозки боялись до колик в животе, боялись точно собаки злого хозяина, способного переломить хребет за малейшую провинность.

Но перед бригадой мордоворотов была поставлена конкретная задача: сделать мистера Стивена Хоукса посговорчивее, а с этим как раз возникли сложности. Вначале американец попытался выставить непрошенных гостей за дверь скромной дачи, которую он арендовал у отставника-пенсионера. Несколько зуботычин и показательный марафон прак-

тически нагишом по пыльным дорогам дачного поселка тоже не подействовали. Инженер упрявился, показывая характер.

Конечно, у парней имелось в арсенале несколько радикальных методов, способных склонить к сотрудничеству любого. В мастерстве пытки они, особенно Шарик, могли соперничать со средневековыми палачами или мастерами из гестапо. Опыта парни поднабрались на заре перестройки, когда «бомбили» первых кооператоров, не желающих платить дань. Мастерство шлифовалось с годами. Даже на зоне, где перебивали все из этой троицы, находились подходящие объекты для совершенствования навыков причинять боль. Клиент, побывавший в руках Лишая или Шарика, уже никогда не мог бы похвастаться хорошим здоровьем и, как правило, продолжал работать, что называется, на аптеку. Но с американским инженером случай был особый. Нельзя было перегибать палку, то есть уродовать упрямяца.

В душе каждый из троих бандитов проклинал запрет босса на крутые меры. Несговорчивый толстячок их просто бесил, выводил из себя. Поэтому, несмотря на приказ, громили пинали инженера с садистским наслаждением и с трудом сдерживались от более решительных действий. Впрочем, Шарик хватался за пистолет, намереваясь если не выстрелить, то хотя бы рукоятью оружия проверить на прочность череп мистера Хоукса. Только рык пыхтящего Лишая останавливал несдержанного отморозка.

– Fuck you, – повторил американец, пытаясь приподнять-

ся.

– Лежать, скотина! – Шарик наступил жертве на грудь.

Придавленный ступней мучителя, Хоукс вновь распластался на песке, отхаркиваясь кровавыми сгустками.

Возникшую паузу заполнила тишина. Мерно журчала вода. В негромкий шелест молодой листвы вплеталось чириканье пичуг, ведущих свои разговоры. Природе не было дела до людей, упражнявшихся в жестокости. А они, в свою очередь, не обращали никакого внимания на красоты окружающего мира.

Взяв короткий тайм-аут, головорезы восстанавливали дыхание, сбившееся от усердной работы ногами. Сдавленно постанывающий инженер перекатился на бок и принялся ощупывать ребра. Прикасаясь к ссадинам, он громко всхлипывал и скрипел зубами. Неугомонный Шарик, постановивший отомстить за свое купание по полной программе, наступил на запястье инженера.

– погоди, мы еще тебе все ребра переломаем, – многообещающе сказал бандит.

Американец скорчился в ожидании нового удара. Этот кошмар казался Хоуксу бесконечным. В самых страшных снах он не мог представить, что будет валяться с окровавленной физиономией на берегу русской речушки, а несколько громил будут использовать его вместо футбольного мяча. Впрочем, на данный момент в мозгу инженера не было посторонних мыслей. Он позабыл то, что был гражданином

мировой сверхдержавы, вполне обеспеченным человеком и, наконец, просто мужчиной с чувством собственного достоинства. Мистер Хоукс думал только об одном – когда прекратится истязание и его перестанут бить.

Некоторые психологи утверждают, что между жертвой и палачом возникает нечто вроде телепатической связи, позволяющей читать мысли друг друга. Лишай психологией не увлекался и ничего, кроме порножурналов, не читал. Но чутье у него было отменное.

– Скоро сломается, – удовлетворенно хмыкнул главварь, указав глазами на дрожащего словно осиновый лист американца.

– Я тоже так мыслю. Пару пенделей, и тюфяк перестанет выпендриваться, – авторитетно поддержал старшего стриженный под ноль верзила.

– Лапу с клешни америкашки сними, – докуривая сигарету, произнес Лишай.

– Да не развалится. Что он, пианист?! – беззлобно огрызнулся Шарик.

– Сними. Его руки должны быть целехонькими, – в голосе шефа зазвучал металл.

Подручный с садистскими наклонностями нехотя повиновался. Огромная ступня Шарика размера эдак сорок пятого поднялась, освобождая запястье левой руки инженера. Американец тут же спрятал руку под себя, словно испугавшись, что бандиты передумают и начнут откручивать его конеч-

ность. Хоукс отважился приподнять голову. В его выцветших голубых глазах читалась мольба не причинять ему боль. Облокотившись, он привстал, протянул правую руку по направлению к главарю, намереваясь что-то сказать.

Лишай опередил американца. Тупоносым мыском ботинка он поспешил закрыть рот Хоуксу. Скользящий, косою удар по подбородку отбросил инженера назад. Выгибая спину, американец корчился на песке и что-то нечленораздельно мычал. Здоровенный детина с короткой стрижкой торопливо подскочил к бедолаге, чтобы садануть того в пах. Хоукс взвыл и захлебнулся собственным криком. Глаза американца закрыла розовая пелена, а изо рта вылетал уже не вой, а щенячий визг. Но сквозь пелену инженер смог увидеть, как раздвигается стена кустарника, окаймляющего пляж, и на песчаный пяточок неспешной походкой выходит незнакомый человек.

Скрипнув зубами, инженер подавил вой, похоронив его в себе. Каким-то седьмым чувством Хоукс признал в незнакомце свою последнюю надежду на спасение и избавление от мук. Извиваясь вьюном, американец пополз по направлению к новому участнику разборки. Он полз, загребая под себя песок, пока ступня Шарика не припечатала мистера Хоукса к земле. Братки хотели в спокойной обстановке рассмотреть наглеца, нарушившего их уединение и тем самым прервавшего обработку клиента. Они не любили вмешательства в свои дела.

Незнакомец появился внезапно. Темноволосый мужчина чуть выше среднего роста, одетый в клетчатую рубашу, выпущенную поверх парусиновых брюк свободного покроя, выглядел заправским рыбаком. В правой руке он держал две удочки. Одну – простецкую, с удилицем из орешника, самодельным поплавком и таким же неказистым грузилом. Второй инструмент охоты на рыб был полной противоположностью первому. Роскошное удилице, сработанное из эластичного и прочного углепластика, произведение знаменитой норвежской фирмы «Мустад», специализирующейся на производстве дорогих рыболовных снастей, сверкало на солнце антрацитовый поверхностью. Именно этот предмет, похожий на копье древнего воина, выдавал в незнакомце профессионала рыбалки, готового потратить сумасшедшие деньги на классную снасть.

Темноволосый прошел сквозь кустарник, словно призрак. Никто не слышал звука ломающихся веток. Так ходят хищники, выслеживающие добычу.

Но внешний облик незнакомца был вполне миролюбивый. Открытое лицо с правильными чертами не выражало никаких эмоций. Прямой взгляд темных глаз как бы приглашал к диалогу. Двигался мужчина спокойно, без напряжения, размеренными, не слишком длинными и не слишком короткими шагами. На губах темноволосого, со слегка посеребренными ранней сединой висками человека играла тень улыбки. Свободная одежда скрывала фигуру мужчины. По широким

плечам и отсутствию выпуклости живота можно было судить об отличной физической форме незнакомца.

Чужак появился со стороны реки. Он, видимо, прошел по самой кромке берега, где заросли кустарника были погуще. Нижняя часть брюк была намочена, а к подошвам легких спортивных туфель прилипли комочки красноватой глины. Незнакомец, видимо, специально выбрал нелегкий путь, чтобы раньше времени не выдать своего присутствия и подойти незамеченным к пятачку пляжа. Это ему вполне удалось.

Трое братков, набычившись, разглядывали наглеца. Эффект внезапного появления пятого участника событий слегка ошеломил бандитов. Они пытались сообразить, почему человек по собственной воле нарывается на крупные неприятности. Ведь обстановка не располагала к неторопливой беседе, а ползающий на четвереньках толстяк свидетельствовал о серьезности намерений троицы. Вмешиваться в происходящее мог или святой, готовый пожертвовать собой для облегчения страданий ближнего и восстановления попорченной справедливости, или сумасшедший, добровольно сующий голову в петлю.

По мере приближения незнакомца настороженность в глазах бандитов сменялась бешеной яростью. Первым не выдержал Шарик. Давая выход злой энергии, распиравшей его тушу, бритоголовый подпрыгнул и ударил по пояснице вставшего на четвереньки инженера. Тот упал, но не издал ни единого звука, хотя удар, пришедшийся по почкам, был очень

болезненным.

Незнакомец брезгливо сморщился:

– Может, хватит над человеком издеваться?!

Он остановился в трех шагах от Шарика. Инженер оказался между бандитом и темноволосым мужчиной. Чуть дальше за спиной верзилы стояли Моня и Лишай.

– Тебе дело?! Ты что, мусор или прокурор? Подглядывал за нами? – Шарик переступил через распростертого ниц американца и подошел к незнакомцу.

Тот усмехнулся:

– Что вы, обнаженные купальщицы, чтобы за вами подсматривать? Зрелище малоприятное, – темноволосый кивнул в сторону Хоукса, который успел перевернуться на спину и теперь не отрываясь наблюдал за неожиданным заступником.

– Если через секунду не смоешься, и из тебя отбивную сделаем, – рыкнул верзила.

Угроза на незнакомца не подействовала. Он продолжал чуть насмешливо рассматривать Шарика.

– Уймись, мужики! Забьете ведь человека до смерти, – темноволосый положил удочки на плечо.

Невозмутимость чужака все больше бесила Шарика. Он оглянулся, ища поддержки у приятелей. Лишай, самый пронырливый из бригады отморожков, уже понял, что незнакомец так просто не уйдет. Он узнал в нем рыбака, которого заприметил на подъезде к пляжу. Главарь подмигнул, давая

приятелю знак перейти к активным действиям. Но сам Лишай предусмотрительно оставался стоять на некотором отдалении от темноволосого, предоставляя право разобраться с наглецом бритоголовому амбалу. Непонятное чувство тревоги вернулось к главарию. Внезапно зверски зазудело родимое пятно, а в желудке начальник компании братков ощутил разрастающийся ледяной комок.

Такое происходило с ним только раз, когда, угодив в засаду, расставленную конкурентами, Лишай уже попрощался с жизнью. Тогда машина, на которой он ехал, шипя простреленными передними шинами, вылетела в кювет и, совершив несколько пируэтов, встала на крышу. Оглушенный Лишай лежал в салоне, задыхаясь от гари, и видел, как приближаются киллеры, чтобы добить его.

Тогда Лишай спасло чудо в виде фиолетового микроавтобуса, проезжавшего по шоссе. Из резко притормозившей машины как горох высыпали люди в стального цвета камуфлированной одежде. Один из киллеров сдуру пальнул по ним. В ответ шквал огня смел платных убийц, бывших на открытом поле как на ладони. В случайно проезжавшем автобусе оказался отряд московского СОБРа, возвращавшегося с задания.

Приятели долго использовали этот случай для насмешек над Лишаем. Подумать только, ментовское элитарное подразделение спасает жизнь отъявленному негодяю. Лишай на приятелей не обижался. Он помнил с тех пор только об од-

ном – о страшном холоде в желудке, о ледяном комке, который, разрастаясь, сковывает невидимыми цепями все тело.

Именно такие неприятные ощущения вызвал у предводителя братков этот спокойный, пугающий своей невозмутимостью незнакомец. Казалось, никаких оснований для паники не было. Перевес явно на стороне бандитов. Трое откормленных, регулярно подкачивающих в тренажерном зале мышцы громил могли разорвать человека на куски голыми руками. У каждого имелся «ствол», а в джипе под задним сиденьем лежало бельгийское помповое ружье, способное превратить человеческий череп в сито. Но, несмотря на очевидные доводы превосходства над чужаком, страх не покидал Лишай. Нагнув голову, он шепотом приказал Моне:

– Шуруй потихонечку к тачке и доставай ружьецо.

– Зачем? – искренне удивился водитель, не понимавший чрезмерной, на его взгляд, осторожности Лишай.

– Давай двигай без лишнего базара, – не спуская глаз с чужака, процедил Лишай.

А тем временем наседавший на незнакомца верзила делал угрожающие жесты, которые, впрочем, не производили на того никакого впечатления. Темноволосый стоял как вкопанный, только улыбка улетучилась с его губ, а взгляд стал жестким.

– Ты что, наживкой для рыб стать хочешь, рыбак гребанный! Тебе помочь врубиться?! Нет, лох, ты меня конкретно достал, – брызгал слюной неуравновешенный Шарик.

Взвинтив себя до предела, громила перешел в наступление. Он схватил удилице из орешника и, вырвав его из рук незнакомца, переломил через колено. Потрясая двумя кусками того, что еще недавно было удочкой, Шарик, окончательно утративший контроль над собой, завопил:

– Сейчас, болван, я тебя закопаю, а из этих палок крест на могилу сделаю! Ты просек, козел, во что вляпался?

Мужчина чуть качнулся вперед.

Рука Лишая машинально скользнула под мышку, где в наплечной кобуре находился согретый теплом тела пистолет системы «Макаров».

Дальнейшие события заняли лишь несколько секунд и походили на кадры фильма ускоренной съемки.

Темноволосый осуждающе покачал головой:

– Зря, парень, чужое ломаешь. Надо уважать частную собственность.

– Ты, сучара, учить меня вздумал?! – натужно прохрипел Шарик.

Рассекая со свистом воздух, кулак громилы устремился к лицу темноволосого. Незнакомец ловко пригнулся, пропуская удар. Пока пудовый кулачище верзила таранил пустоту, последовал ответный ход. Ребром левой ладони темноволосый рубанул противника по горлу.

Эффект от удара был ошеломляющим. Бандит словно проглотил ошестинившегося всеми колючками ежа. Он стоял с вылезшими из орбит глазами и пытался схватить хотя бы

глоток воздуха. Широкий как лопата язык вывалился изо рта Шарика наружу. Тонкие струйки желтоватой слюны вытекали из уголков губ, сливаясь в единый поток на подбородке. Самоуверенный бандит походил на годовалого бычка, угодившего на скотобойню. От былой спеси не осталось и следа.

Впрочем, долго бритоголовый не страдал. Virtuозно проведенный удар в челюсть окончательно вывел Шарика из игры. Верзила хрюкнул, захлебываясь собственной слюной. Закатив глаза, он рухнул как подкошенный прямо на американца. Хоуксу показалось, что на него обрушилась бетонная плита.

Следующим на очереди был главарь и, пожалуй, самый серьезный соперник. Обладавший неплохой реакцией, Лишай успел выдернуть из кобуры пистолет. Щелкая взводимым затвором, главарь крикнул:

– Ложись, падла! Замочу! У меня «ствол»...

Темноволосый же действовал полностью противоположно грозным рекомендациям бандита. Не обращая внимания на пляшущий в руках Лишай пистолет, незнакомец перепрыгнул через тушу бритоголового. Он шел напролом, продолжая держать в руке длинное, гибкое удилище.

Палец Лишайя лег на спусковой крючок, а мушка «ствола» поднялась до уровня переносицы чужака. Но выстрелить отморозок не сумел.

Оказавшись в двух шагах от противника, темноволосый перехватил удочку и хлестнул по «стволу». Соскользнувший

палец Лишай нажал на курок. Грохнул выстрел. Пуля, уйдя в песок, наткнулась на камень и, срикошетив, с визгом улетела в сторону реки. А незнакомец продолжал орудовать казавшимся на первый взгляд безобидным инструментом норвежской фирмы «Мустад».

Крутанув, словно жонглер, удилище, он моментально сложил несколько телескопических соединений, сократив размер своего необычного оружия, и утолщенной частью дубинки из углепластика приложился к макушке гаваря.

Оглушенный ударом, Лишай выронил пистолет, но сумел устоять на ногах. В голове загудел колокол, Лишай повернулся спиной к незнакомцу.

– Моня... – просипел он, взывая к последней своей надежде.

Удар по затылку заставил его умолкнуть. Крякнув, точно приняв стопку неразбавленного спиртыги, Лишай по инерции сделал несколько шагов к джипу. Добредя до машины, он навалился на капот, а затем, барабаня лбом по никелированным дугам, защищавшим радиатор, сполз вниз и затих под правым передним колесом.

Из троицы оставался водитель, но и его участь была предрешена. Выполняя приказание шефа, Моня отправился за ружьем. Чтобы извлечь оружие из специально сделанной ячейки, надо было приподнять подушку заднего сиденья и отщелкнуть замок скоб. С этими скобами у водителя вышла заминка. Отличавшийся нерасторопностью и медлительно-

стью Моня замешкался.

До него доносились звуки скоротечной схватки, за ходом которой он не следил. Лишь когда грохнул выстрел, водитель, втянув голову в плечи, осторожно приподнялся, чтобы обозреть сквозь лобовое стекло поле боя. Догадавшись, что его команда проигрывает, водитель, ломая ногти, справился с защелками, выдернул ружье и, схватившись за цевье, дослал патрон в патронник.

Пятясь по-рачьи, Моня выбрался из салона. Прижимая обеими руками ружье к груди, бандит обернулся. Прямо перед ним стоял чужак.

– Ты куда собрался? – вкрадчиво поинтересовался темно-волосый.

Дождаться ответа он не стал. Шарахнув водителя коленом между ног, чужак плотно прижался к нему, не позволяя пустить в ход ружье, застрявшее между телами, как сосиска в хот-доге. Да и сам бандит оказался в стесненном положении. Зад Мони провалился в салон джипа, а голова медленно запрокидывалась на крышу машины. Впивающаяся в подбородок жесткая дубинка не оставляла водителю выбора. Его соперник давил все сильнее, перекрывая доступ воздуха.

– Остановись! Задушишь! – жалостливо просипел Моня, решивший, несмотря на природную тупость, применить военную хитрость.

– Брось ружье! Для вас сезон охоты закончился! – потребовал незнакомец, слегка ослабив напор дубинки.

Моня разжал пальцы, выпуская ружье из рук. Темноволосый отстранился, давая оружию возможность упасть. Лязгнув дулом о порожек джипа, ружье шлепнулось под ноги соперникам.

Моня зашелся в туберкулезном кашле, преднамеренно брызгая мокротой в лицо темноволосому.

– Совсем, блин, глотку перекрыл! Придушил до полусмерти, – стонал бандит.

Моня лукавил. Одновременно с причитаниями его рука ползла к заднему карману брюк, где на всякий пожарный случай хранился кнопочный нож с широким пятнадцатисантиметровым лезвием, не уступающим по остроте бритве. Каждую свободную минуту Моня правил лезвие точильным брусочком, который постоянно таскал с собой. Когда брусок стачивался, он покупал новый и продолжал доводить лезвие ножа до умопомрачительной остроты. Теперь бандит надеялся только на нож, потому что в глазах незнакомца он не видел ни снисхождения, ни нерешительности.

– Пусти, подлюка! Кончаюсь... – пальцы Мони сомкнулись на эбонитовой рукоятке ножа.

Темноволосый ослабил напор, давая противнику возможность выпрямиться. Затем он стал медленно опускать руки, не произнося при этом ни слова, а лишь внимательно наблюдая за реакцией водителя джипа.

Поведение чужака было странным. Обычно на таких разборках с кровопусканием и мордобитием люди не сдержива-

ют своих эмоций. Они кричат, осыпают противника оскорблениями, проклинаят, запугивают и просто орут нечеловеческим голосом. Звуковое сопровождение – обязательный элемент любой серьезной разборки. Иногда глоткой можно добиться большего, чем кулаками, и уж, по меньшей мере, уменьшить у врага волю к сопротивлению. Темноволосый к такому приему не прибегал. Он предпочитал действовать почти в тишине, обходясь минимумом слов. Только иногда улыбался уголками губ. Правда, сейчас он был предельно внимателен и серьезен, предполагая в действиях противника скрытую угрозу.

– Ну, че ты, братан?! Разве миром нельзя добазариться? Наехал на нас ни с того ни с сего. Корешей моих положил стопочкой... Нехорошо, брателло, ой как нехорошо... – Моня говорил, чтобы выиграть еще несколько секунд.

Между словами бандит сделал пару глубоких вдохов, восстанавливая сбитое дыхание. Затем он отхаркнулся и сплюнул в сторону густой комок слизи, скопившейся в его глотке.

Незнакомец отступил на полшага и опустил руки со сложенной удочкой вниз. В это мгновение Моня вытащил нож. Еще не вынося руку из-за спины, он нажал на кнопку. Лезвие выскочило из своего укрытия с характерным щелчком, напоминающим звук сработавшей крысоловки.

Темноволосый среагировал мгновенно, уклонившись влево. Лапища водителя со сверкающей на солнце голубоватой полоской стали проткнула пустоту. Моня рванул вперед, на-

десять сбить противника своим телом, а уж затем доделать начатое ножом.

Чужак, который был гибче и изворотливее похожего на раскормленного буйвола громилы, не стал отступать или уворачиваться. Наоборот, он сам перешел в наступление. Удочкой, твердой, как кусок стальной арматуры, он сделал выпад, достойный чемпиона мира по фехтованию. Выпад имел конкретную цель, определенную точку на теле громилы, которую темноволосый хотел поразить и поразил.

Утолщенный конец палки из углепластика воткнулся в область между пупком и пахом верзилы. От дикой боли, прошивающей от пяток до макушки, Моня заорал так, что ветви ивняка согнулись, точно под порывом ветра. Нож вылетел из его рук и воткнулся лезвием в песок. Но пока нож летел, незнакомец успел полуприсесть и, вложив всю силу в удар, хлестнуть громилу по коленям своей незаменимой удочкой.

Скошенный подсечкой Моня грохнулся лицом вперед, продолжая истошно вопить. Откинутой до предела нижней челюстью громила пропахал короткую, но глубокую борозду. Но, даже заглотав изрядную порцию песка, Моня не умолкал, так нестерпима была боль. Не в силах перевернуться на спину, не говоря о том, чтобы подняться, верзила изгибался коромыслом, хватаясь за свое мужское достоинство. Он словно собирался сам себя кастрировать, чтобы болью во сто крат сильнее заглушить страдания, причиненные выпадом фехтовальщика. Но у Мони ничего не получалось. При

каждом движении его глотка издавала лишь трубные звуки, напоминающие рев раненого слона, а желтые прокуренные зубы со скрежетом перемалывали речной песок.

Темноволосый облегчил страдания верзилы. Оседлав его, он проделал какие-то манипуляции пальцами, прикоснувшись к впадинам за ушами водителя. После этого Моня еще раз два дернулся и, выпрямившись по струнке, затих...

– Вы убили его? – пошатываясь из стороны в сторону, американец подошел к незнакомцу.

– Нет. Только усмирил, – дружелюбно улыбаясь, ответил темноволосый.

Мистер Хоукс не видел всех моментов схватки. Его спаситель действовал со скоростью тайфуна, и зафиксировать всех подробностей инженер просто не мог. Он, онемев от удивления, наблюдал за скоротечной схваткой. Отслуживший двенадцать лет на флоте Стивен видел многое и в передрягах кое-каких по молодости побывал. Но с такой филигранной работой он сталкивался впервые. Результаты были, что называется, налицо.

Главарь, мирно посапывая, лежал в тенике под джипом. Тупоголовый садист Шарик ползал точно слепой крот, позабывший месторасположение входа в нору, и тихо мычал, а Моня загорал на солнцепеке со ртом, полным песка.

– Seriously с ребятами повздорили?

– Не с ними. Эти негодяи просто... Как это у вас называется? – американец наморщил лоб, подыскивая подходящее

СЛОВО.

– «Шестерки».

– Вот именно, «шестерки». Парни для грязной работы, – американец говорил, ковыляя за своим неожиданным спасителем. Ему крепко досталось, но сокрушительный разгром троицы взбодрил инженера. – Я очень благодарен вам.

Темноволосый, совершавший обход поля боя, казалось, пропускал мимо ушей слова Хоукса. Он внимательно осмотрел водителя. Положил его на бок и согнутым пальцем выковырял изо рта Мони комок песка. Заметив брезгливую мину на лице американца, темноволосый вытер палец о кустик травы и коротко пояснил:

– Может задохнуться.

Обход продолжился. Следующим на очереди был бритоголовый Шарик. Он понемногу приходил в себя и уже смотрел осмысленным взглядом на подходивших. Кроме того, громила перестал мычать и даже пытался встать на ноги. Попытка принять вертикальное положение Шарику не удавалась. Он качался, как камыш в непогоду, и вновь опускался на колени. Чем ближе подходили мужчины, тем беспокойнее вел себя Шарик. Он оглядывался на зеленые заросли, откуда недавно вынырнул темноволосый. Шлепая окровавленной нижней губой, бандит пробовал произнести речь.

– Ястреб достанет тебя. Ты свое получишь... – гундосил верзила, не спуская глаз с чужака.

Угрозы не производили на темноволосого никакого впе-

чатления. Он подошел к громиле и похлопал его по щеке:

– Плохо выглядишь, парень. Беречь себя надо. А пернатыми меня не пугай. Я птиц люблю, хоть орнитологию и не изучал. У тебя, я вижу, мозгов меньше, чем у курицы. Успокойся. Погрейся на песочке, и все пройдет. Отдохнешь, а потом поможешь приятелям своим упаковаться и убраться отсюда. Им побольше твоего досталось, – незнакомец приподнял подбородок верзилы. – Посмотри, они лежат и не митингуют.

Вытаращив глаза, Шарик разглядывал товарищей.

– Взыскать бы с тебя стоимость удочки. Да затрудняюсь цену назвать. Ручная работа, понимаешь ли. Единичный экземпляр, – иронично произнес незнакомец. Он заглянул в глаза Шарик. – Дорогу сюда забудьте. И пахану своему поганому передайте, что здесь для вас запретная зона. Ястреб он, сокол или индюк – мне плевать. Перышки до единого повыщипываю, а будет дергаться, и голову скручу.

Бандит затряс головой. Этот жест означал приступ смеха. Улыбаться разбитыми губами, похожими на две разваренные сосиски, Шарик не мог.

– Не вымахивай, бычара. Думаешь, нас разметал и уже козырным заделался? Хрен тебе на воротник! Против Ястреба ты тля вонючая. Он не таких в асфальт закатывал. Покруче мужиков ломал... Ничего, сучара, еще подергаешься.

Выдав порцию очередных угроз, бандит замолчал, обесиленный собственным красноречием. Темноволосый убрал

руку, и голова Шарика безвольно поникла, упершись подбородком в грудь. В этот момент мистер Хоукс, переполняемый желанием отомстить своему главному мучителю, замахнулся для удара.

– Не надо. Это лишнее, – незнакомец быстро перехватил руку американца. – И вообще нам пора уходить. Представление окончено и продолжения не будет. А этот мордоворот... – он кивнул в сторону Шарика, – пока не опасен. Но только пока...

Спаситель инженера еще раз оценивающе посмотрел на раскачивающуюся, словно в трансе, тушу амбала. Потом темноволосый нагнулся и прошептал в ухо верзиле:

– Уж больно ты болтлив. Поспи немного на воздухе.

Ладонь темноволосого прикрыла макушку верзилы и сползла в область затылка. Шарик слегка вздрогнул, словно заботливая медсестра вкатила ему болеутоляющий укол, приносящий мгновенное забытие. Веки его сомкнулись, а лицо побелело, превращаясь в маску, сделанную из гипса. Незнакомец убрал ладонь с затылка верзилы, и тот принялся медленно клониться на бок, пока не растянулся на земле...

– Я такое видел только на Филиппинах. Нам показывали выступление мастеров местной школы восточных боевых искусств. Но я посчитал выступавших шарлатанами, дурачившими публику. Вы были на Филиппинах? – восторженно бормотал американец, семенящий за незнакомцем.

Тот направлялся к джипу.

– Нет. Я люблю умеренный климат. Кроме того, я давно устал от путешествий.

– О, я понимаю! – невпопад поддакнул Хоукс.

– Не думаю, – с легкой грустью усмехнулся темноволосый и спросил на ходу: – Вы иностранец?

– Да, американец. Инженер компании «Локхид – Мартин». Приехал работать к вам над очень важным проектом. Я очень люблю Россию, – инженер не успевал за своим спасителем.

Его труссы, превратившиеся в тряпку неопределенного цвета, постоянно сползали. Хоукс прихрамывал, но старался забежать вперед, чтобы преданно заглянуть в лицо незнакомцу и таким способом выразить свою безграничную благодарность. Он то и дело спотыкался и никак не мог догнать своего спасителя.

– Вам надо одеться. Покажитесь врачу, заштопайте раны и уезжайте отсюда. Любить Россию можно и из Штатов. Говорят, что большие расстояния только усиливают это чувство. Вас, уважаемый, вряд ли оставят в покое. Эту породу людей я знаю не понаслышке, – усталым приглушенным голосом произнес незнакомец.

Остановившись у джипа, он подобрал ружье. Осторожно, почти нежно стер прилипшие к стволу из вороненой стали желтые крупинки песчинок. По движениям, а главное – по обращению в незнакомце угадывался знаток оружия. Так настоящий мастер берет в руки хороший инструмент, испы-

тывая удовольствие от одного лишь прикосновения к нему. Проверив, заряжено ли ружье, темноволосый повторил:

– Торопитесь. Русские долго запрагают, но быстро едут. Если к вам возникли претензии, то будьте уверены, ваши знакомые не станут откладывать дело в долгий ящик. А после сегодняшней встречи тем более.

С этими словами он открыл капот машины. Заглянув внутрь, незнакомец непродолжительное время осматривал двигатель джипа, что-то потрогал и, оставив капот открытым, отошел.

Внизу, под колесами «Исудзу-Труппера», зашевелился главарь неудачливой команды. Ствол ружья плавно опустился вниз, когда взлохмаченная голова Лишай приподнялась у правого переднего колеса машины. Лоб бандита, очнувшегося так некстати, покрылся холодным потом. Он очень натурально представил, как разлетится его башка, когда палец незнакомца нажмет на спусковой крючок. Лишай крепко зажмурился, вжимая голову в плечи. Он хотел молить о пощаде, но слова застревали у него в глотке, вырываясь наружу в виде какого-то овечьего бляения.

Но незнакомец поступил вопреки ожиданиям бандита. Он не стал фаршировать свинцом ополоумевшего от ужаса Лишай. Темноволосый явно брезговал бессмысленными убийствами и не любил пачкаться кровью. Прицелившись, он выстрелил в черный провал под капотом, туда, где располагался двигатель японского внедорожника. Оттуда незамедлитель-

но вырвался снап искр. Раздался противный металлический скрежет. Потом внутри что-то зачавкало, будто машина пробовала переварить пулю, и вырвался клуб черного дыма.

– Жалко. Хороший аппарат испортили, – с сожалением произнес темноволосый и добавил, обращаясь к обделавшемуся Лишаю, выкатившемуся из-под загоревшегося джипа: – Пешком прогуляетесь. Погода чудесная, а испорченную игрушку на мой счет запишите. На счет Святого!

Подхватив под локоть ошеломленного американца, темноволосый двинулся по направлению к кустарнику.

За его спиной черными клубами удушливого дыма коптил небо горящий джип. Возле машины сидел на корточках Лишай, ощупывающий разбитую челюсть. В уголках узких, свиных глаз бандюги скапливались бисеринки слез и, прочерчивая влажные дорожки, сбегали по бульдожьим щекам к подбородку.

Впервые в жизни Лишай плакал. Бессильная злоба смешивалась в его душе со страхом и выходила наружу слезами. Нет, он не жалел о загубленном джипе. Машина – дело наживное, и деньги у Лишай водились. Но позор унижения никакими «бабками» не сотрешь. Такого Лишай никогда не испытывал. Он сидел, нюхая собственное дерьмо, и ненавидящим взглядом буравил спину рыбака.

– Святой... – повторял Лишай, массируя ладонью челюсть.

Он уже знал, что, докладывая шефу о случившемся кон-

фузе, первым произнесет именно это слово, и будь что будет...

Под громкий хлопок лопнувшего масляного фильтра темноволосый и американец скрылись в кустах. Зеленая стена сомкнулась. По тонюсенькой, петлявшей у самой воды тропинке они вышли к крохотной площадке с деревянным мостком, с которого рыбачил спаситель Хоукса.

Быстро подобрав куртку и серую потрепанную сумку из кожзаменителя, незнакомец ступил на угрожающе скрипящие доски мостка.

– Извините, мы даже не познакомились. Я Стивен Хоукс. Можно Стив... Как вам больше нравится, – с заискивающими интонациями в голосе произнес американец.

Незнакомец достал садок, в котором плескался улов. Рыба сияла серебром чешуи, отражая свет яркого летнего солнца. Темноволосый молча любовался добычей, держа садок в вытянутой руке.

– Вы ведь не оставите меня, – испуганный молчанием, как-то по-детски промямлил американец. – Мне действительно нужна помощь.

– Позвоните в милицию, в свое посольство. У нас охотно помогают иностранцам. Пообещайте щедро отблагодарить. Тогда ваших обидчиков точно найдут и накажут. А лучше всего сматывайтесь из России. Здесь слишком суровые условия для людей из благополучных стран. Здесь особый климат.

Незнакомец явно не собирался заводить дружбу с инженером. Он не требовал никакой благодарности, не задавал лишних вопросов, но и не гнал толстячка, трясущегося от пережитого, прочь. Это вселяло в Хоукса надежду. Американец не отставал, цепляясь за незнакомца, как тонущий за соломинку.

– Я не могу уехать из страны. Контракт и некоторые обстоятельства мешают убраться мне в Штаты, – торопливо бормотал Хоукс.

Темноволосый подал ему куртку:

– Набросьте.

Инженер суетливо примерил, но никак не мог попасть в рукава. Он брел за темноволосым, повесив куртку на одно плечо, по тропе, уводившей от речного берега к редкой березовой роще. Американец вдруг стал забывать русский язык, хотя лихорадочно пытался установить контакт со своим неразговорчивым спасителем. Он сменил тему:

– Святой? Странное прозвище?! Вам подошло бы скорее Терминатор или Рэмбо. Вы профессиональный спортсмен, военный?

– Давно уже любитель, – уклончиво ответил незнакомец, убыстряя шаг.

Через три минуты ходьбы они достигли цели. У старой березы с посеревшим от времени толстым стволом стоял такой же древний мотоцикл. Подобные конструкции Хоукс видел в журналах по истории техники. Но, несмотря на свой по-

чтенный возраст, мотоцикл выглядел великолепно. Очевидно, его разобрали до винтика, перебрали каждую деталь, обновили все одряхлевшее и неисправное вплоть до сиденья, а затем заботливо сложили в единое целое. В результате получился аппарат ручной сборки, достойный стать украшением любой коллекции раритетных средств передвижения. Единственное, что не стыковалось с общим видом механического старичка, был движок, взятый от современной модели.

– Лучше, чем «Харлей-Дэвидсон». Прокатимся с ветерком? – поглаживая огромный блестящий черным лаком и хромированными боками бензобак, предложил темноволосый. – Не волнуйтесь, изумительная штукавина. По дороге не развалится, если не взлетит. «Урал» одной из первых серий выпуска. Уникальный мотоцикл.

Перебросив ногу, незнакомец уселся в седло. Хоукс продолжал стоять, загораживая дорогу. Куртка соскользнула с его плеча, открывая багровое пятно кровоподтека от подмышки до поясницы. Всклокоченные волосы торчали хохолком вокруг исцарапанной лысины инженера. Он подошел к мотоциклу и вцепился в руль.

– Послушайте, помогите мне, спасите мне жизнь, – просипел Хоукс, заглядывая в глаза незнакомцу.

Костяшки пальцев инженера побелели. Он стоял ссутулившись и ничего больше не говорил. Казалось, Хоукс готов улечься под колеса мотоцикла, если не получит ответа. Одновременно жалкий и смешной, американец видел в незна-

комце свою последнюю надежду найти проводника, который поможет выбраться из кошмарного лабиринта, где на каждом повороте притаилась смерть.

Темноволосый прервал затянувшуюся паузу:

– Садись.

Хоукс послушно шлепнулся на сиденье. Мерно зарокотал движок. Сизая струйка дыма вырвалась из выхлопной трубы. «Урал» плавно тронулся с места, подминая колесами молодую зелень травы. На выезде из роци незнакомец крутанул ручку газа, заставляя мотоцикл резко рвануть вперед.

Чтобы не упасть, мистер Хоукс покрепче вцепился в своего спасителя.

Они выскочили на грунтовую дорогу, ведущую к дачному поселку. Встречные воздушные потоки омывали ездоков туманами, хлесткими струями прогретого воздуха.

– ...Рогожин, Дмитрий Рогожин... – ветер донес до американца слова темноволосого. – А Святой, считай, мое второе имя...

Глава 2

Окна фешенебельного особняка, притаившегося под разлапистыми елями, отсвечивали багровым светом. Двухэтажное здание стояло на отшибе квартала вилл, примыкавшего к Рублевскому шоссе. Изящный, ажурный забор чугунного литья, окружавший здание, был достаточно высок для мелких воришек и в меру открыт для соседей. Хозяин дома как бы подчеркивал этой деталью: «Мне нечего скрывать от людских глаз. Я весь как на ладони». Фонари, сработанные под старину, заливали светом площадку перед парадным входом особняка. Надраенная до зеркального блеска медная ручка двери, сделанной из дуба и африканского железного дерева, отбрасывала золотистые блики даже в фиолетовом сумраке теплого летнего вечера.

Благоухающие цветочным ароматом клумбы брали здание в разноцветное кольцо. Двор, вымощенный серой брусчаткой, сверкал чистотой, как палуба крейсера перед визитом командующего флотом. Для случайного прохожего дом казался оазисом благополучия и порядка. В таком жилище мог жить человек, ценящий комфорт превыше всего.

Никаких излишеств в виде мраморных фонтанов, древнегреческих колонн, статуй львов у лестницы на территории виллы не наблюдалось. В оформлении особняка присутствовали стиль и чувство меры, которых так недостает «новым

русским». Дом выглядел солидно. От него прямо-таки исходил дух спокойствия и уверенной непоколебимости здания, построенного если не на века, то надолго. В таком здании мог обитать преуспевающий банкир или вовремя ушедший в отставку член правительства, продолжавший оказывать коммерческим структурам незаменимые, щедро оплачиваемые услуги.

Впрочем, острый глаз профессионала мог подметить и другие существенные особенности особняка. Например, помимо главной подъездной дороги с идеально положенным асфальтом к дому примыкали еще два малозаметных пути. Один, теряясь в сумраке, уходил в сторону леса, второй, огибая петлей престижный квартал вилл, убегал в западном направлении от столицы. При желании хозяин особняка мог покинуть свою резиденцию незамеченным.

Профессионал отметил бы и солидные меры безопасности, призванные уберечь дом от вторжения непрошенных гостей. По углам здания гнездились видеокамеры. Видеодетекторы активизировали аппаратуру при изменении положения на наблюдаемом объекте. Другими словами, дажемышь не могла прошмыгнуть по площадке, оставаясь незамеченной. Ночью зоркость видеокамер усиливалась инфракрасными осветителями, а вся информация скрупулезно записывалась на видеоманитофоны и отражалась на экранах мониторов.

Стальные роллеты, поднятые в этот летний вечер, мог-

ли быть опущены одним взмахом руки. Стоило только нажать кнопку электронного подъемника – и стальные полосы, слившись в сплошное полотно, блокировали бы окна. Кстати, элегантная дверь из ценных пород дерева была не просто данью моде или хорошего вкуса. Прослоенная высокопрочными листами стали, словно торт «Наполеон» кремом, снабженная шведскими замками и запорными механизмами, дверь могла выдержать лобовой таран грузовика.

Внутри виллы тоже имелась кое-какая интересная электроника, даром не нужная простому обывателю, но жизненно необходимая человеку, играющему в рискованные игры. Все телефоны в доме имели индикаторы линии, позволяющие обнаружить подключение посторонних ушей к разговору, предназначенному для двоих. Тонированные окна, не позволяющие проникать любопытным взорам с улицы, были дополнительно оснащены устройствами, вызывающими вибрацию стекла с различной частотой. Ни один направленный микрофон не смог бы зафиксировать ни слова, произнесенного в комнате с закрытым окном подобного типа.

В доме вообще было много электронного оборудования. Компьютеры, сетевые фильтры, сканеры, модемы, приборы для шифрования и раскодировки информации заполняли комнаты, мансарду и помещения цокольного этажа. Оборудования вполне хватило бы для средней станции электронной разведки или компьютерного центра небедного банка.

Обслуживали все это хозяйство пятеро технарей, двое из

которых прошли стажировку в западноевропейских центрах крупных компьютерных фирм, но после августовского кризиса оказались без работы. А подобрал их Сергей Ястребцов, хозяин уютной виллы, аппаратуры и хитроумных примочек.

Этот чудесный летний вечер был для него безнадежно испорченным. Он стоял у окна и теребил тяжелую ткань багровых гардин. В окно заглядывала луна, проникая сквозь щель между гардинами желтоватым снопом света. Казалось, Ястребцов греется в этом холодном потоке, подставляя то одну, то вторую щеку.

Среднего роста, со спортивной фигурой и правильными чертами лица хозяин виллы мог бы позировать для журналов мужской моды. Широкие, развернутые плечи и узкая талия образовывали правильную трапецию. Прямым, без капли жира на бедрах, ногам могла бы позавидовать любая танцовщица кордебалета, а впалый живот с накачанным прессом выдавал в Ястребцове любителя утренних пробежек и многокилометровых заплывов в бассейне. Хозяин виллы поддерживал форму. Но кое-что портило общий благоприятный вид этого господина, прежде всего это были глаза...

Глаза у Сергея Ястребцова были совершенно особенными. Под белесыми бровями располагались два кругляша с отдающими желтизной зрачками. Такие округлые органы зрения бывают у хищных птиц или ядовитых пресмыкающихся. Глаза этого тридцатилетнего человека абсолютно ничего не выражали, оставаясь холодными, словно у рептилии. Его

лоб с глубокими залысинами пересекала белая нить шрама, тянущаяся к левому виску. Редкие волосы соломенного цвета были старательно зачесаны назад, а лицо гладко выбрито. Иногда пальцами с отполированными ногтями Ястребцов прикасался к шраму, словно собираясь его разгладить.

– Ну что вы, уроды, мне байки травите?! Один рыбачок троих быков голыми руками разметал и тачку ухайдакал?! Забавно, забавно... – цедил хозяинвиллы, любуясь сквозь окно вечерним пейзажем.

У дальней стены комнаты, боясь ступить на узорчатый восточный ковер, стояли навтыжку Лишай, Шарик и Моня. Разукрашенные физиономии бандитов переливались всеми цветами радуги. Изодранная, перепачканная одежда выглядела точно лохмотья, добытые из мусорного контейнера.

– Ястреб, я в натуре отвечаю. Мужик крученный! Выщепился из кустов и метелить нас начал. Я «ствол» достал, а потом спрятал. Вспомнил, что ты велел кипеж не поднимать и особенно не светиться. Ну, мужик нас и заломал! А так... – Шарик наступил на ковер, излагая свою версию происшедшего на пляже.

Главарь карательной команды хотел одернуть дебиловатого верзилу, заговорившего без предупреждения. Лишай вдохнул воздуха и со стоном схватился за разбитую челюсть.

– Заткни пасть, придурок, и убери свои грязные ходули с ковра. Сказки будешь бабушке рассказывать. Простое задание завалили. Нарвались на... – не повышая голоса, Ястреб

смачно выругался.

Спрыгнув как ошпаренный с ковра, Шарик тем не менее гнул свою линию. Более сообразительный Лишай молчал, подставляя подчиненного на роль мальчика для битья. Ведь на ком-то хозяин должен был сорвать злость.

– Мы дожали американца. Еще немного, и этот долбаный Хоукс на все бы согласился. Капитально раскрутили мужика. Он на карачках перед нами ползал. Землю жрал, в натуре... Волчара этот с удочками всю мазу сбил, – Шарик горестно вздохнул, показывая, как ему горько за глупый проигрыш.

Человеку с желтыми круглыми глазами показного рассказа было мало.

Ястреб и так слишком долго сдерживал себя, слушая невнятный, путанный рассказ своих людей, не справившихся с элементарным заданием. В его душе клокотала ярость на троих громил, заявившихся на виллу только под вечер. Он перестал теревить гардину и разглаживать шрам. Заложив руки за спину, Ястреб подошел к говорливому верзиле.

– Волчара, говоришь? А ты кто? Пудель? Или беленький пушистый котенок? Может, ты, Шарик, дистрофией страдаешь? Любой мудака может тебе по хारे надавать? – сыпал вопросами Ястреб, рассматривая подчиненного со зловещим ехидством.

Остальные двое неудачников предусмотрительно расступились, оставив товарища один на один с хозяином виллы. Они знали, что последует дальше, и, повесив головы, ждали

окончания речи желтоглазого.

– Ты стал много базарить не по делу. Может, диктором на телевидение устроить? Будешь трепаться про политику... Я «бабки» отстегиваю за работу. Усек, дуболом?

– Ага, – мотнул головой Шарик, заподозривший неладное.

– Впредь пасть без разрешения не открывай. Кишки через глотку вытащу, – сорвавшись на крик, завершил хозяин виллы.

Дальше с говоруном Ястреб не церемонился. Сбив подсечкой громилу с ног, он рубанул Шарика ладонями по ушам. Оглушенный, даже не пытавшийся сопротивляться, тот волчком завертелся на паркете пола. Приятели деликатно отвернулись, делая вид, что ничего необычного не происходит.

Минуты через три Ястреб прекратил экзекуцию. Наказанный без команды не вставал и, лишь покряхтывая от боли, уползал подальше от восточного ковра, боясь испачкать его кровью. Достав из кармана брюк платок, Ястреб вытер со лба пот.

– Шарик, без обид. До некоторых только через ж...у доходит, когда надо открывать матюгальник, а когда дело делать. Тебя папаша в детстве мало колотил, поэтому сейчас приходится восполнять пробелы в воспитании... Ладно. Вы, двое, отдыхайте. А ты, Лишай, останься...

Разговор продолжился с глазу на глаз. Они прошли в другую комнату, служившую кабинетом. Там хозяин виллы за-

нял почетное место за письменным столом, а Лишай примостился на краешке кожаного кресла, стоявшего наискосок.

– Налей мне джина с тоником и себе чего-нибудь, – устало потирая виски, приказал Ястреб.

Знавший месторасположение бара Лишай моментально поднялся и направился к нише, скрывавшей мини-холодильник и шкафчик с разносортным набором алкоголя.

Приготовив заказанный шефом напиток, Лишай спросил:

– Может, я дрянью травиться не буду, а водочки соточку замахну?

– О вкусах не спорят. Валяй, – махнул рукой Сергей Николаевич Ястребцов.

Выцедив джин, хозяин особняка некоторое время молчал и барабанил пальцами по столу. Его собеседник почтительно слушал барабанную дробь шефа и наслаждался теплом распространяющейся по организму водки «Смирновъ». Не сдержавшись, Лишай громко отрыгнул и тут же испуганно прикрыл ладонью рот. Желтые, немигающие глаза уставились на бандита.

– Значит, навешали вам, орелики, по ушам. Есть, оказывается, покруче, чем вы.

– Получается так, Ястреб. Но я голыми руками готов мужика порвать, – скрипнул зубами Лишай и снова плеснул водки в высокий хрустальный стакан.

– Вряд ли голыми руками получится. Пообрывать может, как мотылькам крылышки. Мужик, видимо, лихой и не из

трусливых, раз напролом пошел. Хотя, конечно, дурак. Благородный. Заступник униженных и оскорбленных.

– А может, американец подстава? – Лишай привстал, пораженный собственной версией.

Хозяин виллы скептически хмыкнул и покрутил пальцем у виска.

– Какая подстава? Кому Хоукс нужен? Мы четыре с половиной месяца этого самоделкина пасем. Знаем, когда он на унитаз садится и какой бумагой подтирается. Всю биографию изучили. Кроме нас, американец никому даром не нужен. Хоукса, кроме нас, никто не пасет.

– А нам на черта америкашка сдался? Толку с него как с козла молока. Только «бабки» и «дурь» на лоха переводим. Носимся за ним целыми днями. Обхаживаем, – водка развязала Лишаю язык.

Развалившись в кресле, он почесывал разбитый подбородок, собираясь развивать понравившуюся мысль. Его собеседник включил настольную лампу. Раскрасневшаяся рожа бандита с пятнами ссадин и полосами глубоких царапин оказалась в круге света. Лишай заслонил глаза руками:

– Выруби этот чертов фонарь.

– Я тебя вырублю, – раздраженно прикрикнул хозяин виллы, – сядь скромнее и захлопни пасть. Думать – не твоя специальность. Тебе противопоказано напрягать мозги.

– Почему? – Лишай осторожно передвинулся на край кресла.

– Быстро закипают. Ты должен четко выполнять приказы, и тогда все будет в шоколаде, а не в говне, как на этот раз. И подмываться не придется.

Лишай насупился, пытаясь вычислить предателя. Там у реки, смывая нечистоты с тела, он предупредил приятелей о молчании. Но, как оказалось, кто-то успел доложить Ястребу о досадном конфузе, не делавшем чести любому мужику, а уж тем более такому мордовороту, как Лишай. Он обиженно засопел, снова потянувшись к штофу с бело-красной наклейкой.

– Ладно, проехали. С кем не бывает. В конце концов, это просто физиология. Шалости прямой кишки. Главное, чтобы дело не страдало.

Смущенный подозрительно миролюбивым тоном шефа, Лишай задержал пальцы на коротком горлышке бутылки, не отваживаясь отвернуть красную головку винтовой пробки. Вставший из-за стола Ястреб мерил комнату шагами. Он двигался бесшумно, изредка потягиваясь, словно готовясь к прыжку.

– Пей, дружище. Сегодня можно расслабиться, – Ястреб похлопал напрягшегося бандита по плечу и даже собственноручно наполнил его стакан, налив ровно до краев. Такой точности и твердости руки мог позавидовать любой фармацевт. – Дальше расслабляться будет некогда. Скоро мы сыграем по-крупному. Поставим на карту все...

Ястреб редко откровенничал. Можно сказать, никогда. Люди его команды выполняли разовые поручения, не зная общего замысла или конечной цели очередной акции. Такое положение дел всех устраивало. Проще бездумно выполнять приказы и получать хорошее вознаграждение без умственного напряжения. А на подчиненных Ястреб не экономил и денег для них не жалел. Правда, негласно контролировал расходы, не позволяя открыто шиковать на публике. Если кто-то из подчиненных начинал зарываться, например, обклеивать понравившуюся шлюху стодолларовыми купюрами или изображать в казино нефтяного магната с нелимитированной кредитной карточкой, парня быстро приводили в чувство.

После беседы с Ястребом гуляка некоторое время носил черные очки, скрывающие здоровенные фингалы, внимательно наблюдал за цветом мочи, ожидая, пока пропадет красноватый оттенок, исправно посещал докторов и аптеки, а потом начинал заботиться о будущем, складывая большую часть вознаграждения на банковский счет или в тайник.

Впрочем, загулы подальше от людских глаз и правоохранительных органов не запрещались. Ястреб лично подбирал уединенные дома отдыха, неприметные турбазы с полным набором удовольствий в виде отдельных номеров сауны, бильярдных столов, водных мотоциклов на ближайшем озере и так далее.

– Ничто так не сближает, как коллективная пьянка, – лю-

бил повторять Ястреб, организовывая очередной праздник для своего отряда.

Сам он в оргиях не участвовал. Приезжал утром для задушевной беседы с каждым членом группировки. Опохмеляясь, парни делились услышанным, а попросту говоря, стучали на приятелей. Ястреб ничего нового не придумывал, позаимствовав практику доносов у исторических личностей вроде Сталина. Бойцы группировки видели шефа нечасто, общаясь преимущественно с Лишаем, исполнявшим роль заместителя.

Вообще фигура шефа была окружена ореолом таинственности и почти мистического страха. Ястреб отличался от обычных бандитских лидеров. Никто ничего не знал о прошлом человека с желтыми птичьими глазами. Он появился из ниоткуда, но с деньгами, оружием и кое-какими связями в Москве.

Группа Лишая переживала трудные времена. Шел новый передел зон влияния на севере и северо-западе столицы. Мафиозная война грохотала канонадой взрывов и эхом выстрелов. Гибли авторитеты и рядовые бойцы. Похоронные процессии двигались чередой по кладбищенским аллеям, а агентства ритуальных услуг подсчитывали барыши. Война обескровила противников. На свободную территорию стали претендовать конкуренты.

Входящая в состав более мощной группировки команда Лишая по благополучному стечению обстоятельств оказа-

лась в стороне от кровавых разборок. Вот тогда осмелевший Лишай и высунулся, постановив отшить обнаглевших пришельцев. В ресторане к четверем посетителям, пришедшим получить дань, а заодно плотно поужинать, подошел официант. В зале клиентов обслуживали только девушки в накрахмаленных передниках с кокетливыми кружевными чепчиками на головах. Единственный официант-мужчина открыл крышку супницы, достал оттуда пистолет и вместо первого угостил клиентов порцией раскаленного свинца. Трое скончались на месте, четвертый с помощью золотых рук хирурга выкарабкался. Этот счастливчик и опознал в стрелявшем человека Лишай.

Охота началась незамедлительно. Одного из членов группировки зарезали в ванне с его проституткой. Клиентов, по традиции отстегивавших дань, перевели под свою крышу, не позволяя людям Лишайа доить коммерсантов.

Противник, бывший чемпион страны среди юниоров по греко-римской борьбе, сколотил бригаду из спортсменов, за что и получил кличку Физрук. По национальности калмык, он действовал с восточным коварством и жестокостью.

Вычислив ближайшего друга Лишайа, бывший борец похитил его. Физрук трое суток отработывал на нем приемы в зале с бетонным полом. На опознании матери погибшего предъявили пласт человеческого мяса с вытекшими глазами и острыми обломками костей, торчавших в разные стороны. Лишай запаниковал, собираясь смыться за границу. Од-

нако прежде чем удрать, он предпринял попытку найти союзников. Но акции Лишай среди воротил преступного мира не котировались. Он был обыкновенной «шестеркой», слишком много возомнившей о себе. Группировка таяла, словно сугроб под лучами весеннего солнца. Круг сужался, а покушение на шоссе должно было стать финальным актом бандитской карьеры. Вмешательство соборовцев помешало киллерам Физрука поставить точку.

Именно в этот драматический период на горизонте возник сухопарый молодой человек, предложивший Лишаю свои услуги и руку помощи. Он приехал на квартиру, где скрывался загнанный в угол неудачник, и с порога объявил:

– Затихарился ты, братан, неудачно. У Физрука этот адресок на примете. Через час жди гостей.

Лишай тогда поверил незнакомцу. Иного выбора у него просто не было. Приставив к виску желтоглазого «ствол» на всякий пожарный случай, он впрыгнул в машину с верным Шариком и Моней. Желтоглазый отвел ладонью «ствол», открыл дверь.

– Ты куда намылился? – прошипел осипший от страха Лишай.

Незнакомец усмехнулся, обнажая ряд мелких и острых, точно у хорька, зубов:

– Скоро Новый год. Надо ребятам гостинец оставить. Дай ключи от квартиры.

Расстегнув куртку, он продемонстрировал новогодний

сюрприз – гроздь ручных гранат «Ф-1», перевитых стальной жилой за кольца взрывателей. Лишай вручил ключи и отправил наблюдателем Шарика. Будущий шеф главаря разваливающейся команды установил растяжку, прикрепив один конец струны к ручке первой двери, открывавшейся наружу, в сторону лестничной клетки. Второй конец Ястреб привязал к крючку настенной вешалки. Разрезав жилу на две неравные части миниатюрными кусачками, которыми обычно пользуются радиолюбители, он подвесил ближе к двери гранаты. Вторая дверь, открывавшаяся вовнутрь квартиры, осталась приоткрытой. Проделав эту нехитрую операцию, Ястреб и Шарик покинули квартиру, спустившись по пожарной лестнице.

Киллеры прибыли ровно через час. Открыв отмычкой замок, убийцы крадучись двинулись вперед с оружием на изготовку. Пострелять им не удалось. Освободившись от чеки, гранаты шлепнулись на пол, раскатившись в разные стороны. Две, словно по заказу, остановились у ног наемников Физрука. Грохнул взрыв, следом еще несколько.

Разорванные в клочья киллеры остались лежать на полу квартиры, превращенной в ловушку. Один из них, стоявший на лестничной площадке, попал под дождь стальных осколков. Он еще сумел заползти в лифт, волоча за собой клубок сизых внутренностей. Там, в узком железном пенале, плавающая в собственной крови и слизи, убийца отошел в мир иной.

Так началось сотрудничество Ястреба и предводителя ма-

лозначительной преступной группировки. Новый друг не скрывал, что первый контакт был установлен с экс-спортсменом. Но Физрук оказался слишком заносчивым и недалёковидным. Он предложил желтоглазому стать кем-то вроде мальчика на побегушках, поработать в поте лица, чтобы заслужить признание и авторитет. Прибывший черт знает откуда сухопарый субъект не был известен в преступном мире, и ни один из авторитетов не мог дать чужаку рекомендаций. Кроме того, бывший борец был гомосексуалистом, имевшим ради приличия и продолжения рода семью. Физрук коллекционировал партнеров. Он допустил промашку, слишком прозрачно намекая на желательность интимного продолжения знакомства с Ястребом.

– Не перевариваю азиатов и извращенцев, – повторял Сергей Ястребцов при каждом удобном случае.

Но главное заключалось в том, что изрядно потрепанная команда с туповатым, жестоким лидером могла быть легко переподчинена кому-нибудь более дальновидному, более умному, более жестокому. Ястреб все досконально просчитал. Но, проверяя свои расчеты, он не спешил, присматривался к главарю и его окружению. Попутно он зарабатывал славу крутого мужика, которому не стоит переходить дорогу.

Много шума в определенных кругах наделала акция по устранению Физрука. О происшедшем слагались чуть ли не легенды, обраставшие все новыми, леденящими кровь подробностями. История действительно отличалась необычай-

ным цинизмом и беспределом.

Контролировавший ряд промышленных объектов мафиози совершал объезд своих владений. Вместе с ним мини-империю осматривали куколка-жена и двое сыновей. Старшему недавно исполнилось пять, младшему не было и трех лет.

Последним пунктом программы значилось посещение территории фирмы со скучным названием АО «Вторчермет». На далекой окраине столицы располагался гигантский склад под открытым небом. Горы металлолома ждали своей очереди отправиться под пресс, работавший без устали в цехе, сложенном из серых железобетонных панелей. Подъемные краны переносили спрессованный в гигантские брикеты металл на железнодорожные платформы, которые отвозили металлолом на переплавку.

Физрук спешил. Вечером его семейство принимало гостей, приглашенных справить новоселье в приобретенном особняке. Предвкушая бурное застолье и теплое общение с друзьями и любовниками, он, вероятно, не думал о превратностях судьбы. А напрасно...

Засада была организована по всем правилам военного искусства. В расстановке стрелков, закладке радиоуправляемого фугаса и многих других деталях просматривалась рука профессионала. Каждое действие было расписано как по нотам. Шансы на спасение равнялись нулю.

Кортеж, состоявший из трех машин, атаквали в лабиринте гор покрытого ржавчиной железа. Передовой автомо-

биль расстреляли кинжальным автоматным огнем с близкого расстояния. Одновременно по сигналу руководителя операции был взорван фугас. Джип с телохранителями Физрука успел проскочить эпицентр взрыва. Но ударная волна привела в движение сваленные друг на друга старые батареи, искореженные рельсы, болванки бракованных деталей и прочую металлическую дребедень. Лавина ржавого металла обрушилась на джип, заживо похоронив в нем охранников. Роскошная серебристая «Тойота-Лексус» бывшего борца оказалась заблокированной в узком коридоре свалки. Оставалось только добить конкурента.

Но Ястреб, запланировавший акцию уничтожения, был человеком с фантазией. Банальная расправа с контрольным выстрелом в затылок его не устраивала. Он выбрал иной способ.

Из «Тойоты» никто не выходил. Вокруг автомобиля на удобных для стрельбы позициях расположились боевики Лишая. Каждый сантиметр серебристой красавицы был под прицелом. Физрук понимал бессмысленность сопротивления. Он, может быть, и хотел умереть как мужчина, с оружием в руках, но за спиной выла от ужаса жена и ей дуэтом вторили дети. Может, надеясь спасти отпрысков, а может, просто струсив, Физрук ничего не предпринимал. Он сидел, вцепившись в руль, и смотрел, как амбал с кувалдой в руках бьет по дверным замкам «Тойоты». Потом над крышей автомобиля раздалось лязганье спускающихся цепей.

– Что они собираются сделать? – внезапно спокойным голосом спросила жена, прижимая к себе детей.

– Я не знаю... – Физрук дернул заклиненную дверь.

Они сидели внутри «Тойоты» как пойманные букашки в спичечном коробке. Снаружи шли приготовления к казни. Рельсовый кран с огромным электромагнитом вместо крюков предназначался для транспортировки больших партий металла. Магнит захватывал несколько тонн хлама, а кран перевозил это добро в цех под пресс. Теперь огромный блин магнита нависал над серебристой крышей машины.

– Давай, вира... – Ястреб отдал приказ крановщику включить магнит и приступить к транспортировке груза.

– Полетит, козел, первым классом в рай, – пробовал шутить Лишай, наблюдая, как автомобиль, прилепившийся к магниту, уплывает в сторону платформы, подающей груз к прессу.

Двигаясь вслед за плывущей по небесам машиной, они прошли под мрачные своды цеха. Многотонная плита пресса нависала над площадкой, куда сгружали металлолом. И там, у страшного лобного места, сердце Лишай дрогнуло. Стараясь не смотреть на мечущихся в машине людей, он, запинаясь, обратился к невозмутимо покуривающему Ястребу:

– Слушай, там же дети.

– Ну и что? Я обещал стереть Физрука в порошок?

– Обещал, – стуча зубами от внезапно пронявшего озноба подтвердил Лишай.

– Я слов на ветер не бросаю.

– Но дети... Может, бабу и крысят отпустим?

В желтых глазах Ястреба вспыхнул холодный огонь. Он повернулся к напарнику и жестким, не терпящим возражения голосом ответил:

– Ястреб от совы не рождается. Надо мочить весь выводок этого уroda. Вырубать под корень. Жалость – плохой советчик для деловых людей. Уйди, если слишком впечатлительный. Я все сделаю сам.

Лишай остался, но кнопку гидравлического пресса нажимать не стал. Смалодушничал. Он боялся поднять глаза и готов был заткнуть уши, чтобы не слышать воплей, доносившихся из уложенной под пресс машины. Красную кнопку пульта управления нажал Ястреб. Он сделал это, как будто приводил в действие не многотонную махину, а миксер или кофемолку.

Фыркнула гидравлика, стравливая воздух. Плита начала скольжение вниз. Какая-то потусторонняя сила заставила бандита поднять глаза. Тень плиты уже накрывала машину. А за стеклом «Тойоты» белыми пятнами расплывались лица обреченных людей.

– Ой, бля... – только и выдохнул Лишай, поднося ладони к лицу.

– Какие мы сентиментальные, – слова желтоглазого потонули в грохоте.

Пресс обрушился на автомобиль всей своей мощью. Жа-

лобно заскрежетало сминаемое железо, брызнули лопнувшие стекла, разлетелись в клочья шины из первоклассной резины. Серебристая красавица, раскатанная словно блин, перестала существовать. От «Тойоты» остался плоский брикет металла с вкраплениями человеческой плоти. Брикет, ставший могилой для Физрука и членов его семьи, отправили на Таганрогский металлургический комбинат, где он исчез в огнедышащем чреве плавильной печи.

Постепенно Ястреб переподчинил группировку себе. Старый главарь, оттесненный на второй план, не смел перечить новому лидеру. Несмотря на природную ограниченность, Лишай хватил ума признать в желтоглазом предводителя.

Так в стае одичавших собак происходит смена вожака. Когда к стае прибивается новичок с крепкими клыками и широкой грудью, старый лидер или пытается перегрызть претенденту глотку, или, поджав хвост, уползает в кусты. Лишай предпочел последнее и нисколько не жалел о своем выборе. Время подтвердило правоту его решения.

За Ястребом стояли более могущественные силы, предпочитавшие держаться в тени. Довольно часто братву откомандировывали в аэропорты или на железнодорожные вокзалы встречать иностранных гостей. Смуглые, с черными волосами чужеземцы долго не задерживались. Пообщавшись с Ястребом, они убывали в Германию, Италию или Югославию. Периодически, не реже раза в месяц, Лишай встречал на украинском пограничном пункте Мукачево трейлер. Под

конвоем головорезов фура следовала в Москву. Ассортимент товаров, привозимых из Югославии, был разным: банки с фаршированным перцем, кетчуп, сантехника, яблочный уксус, мебель, текстиль. Не изменялся только сорт основного груза, упакованного в тайники, – белейший, словно снег на горных вершинах, чистый героин.

Наркотиками распорядился Ястреб. Рядовые бойцы бригады развозили товар оптовым покупателям и привозили пухлые пачки налички. Если случались срывы, Ястреб не выбивал долги. Штрафом за неуплату становилась жизнь нечистого на руку оптовика.

Примерно с весны груз стал поступать нерегулярно. С товаром начались перебои. Тогда же Ястреб отдал приказ взять под круглосуточное наблюдение толстяка-американца, бывавшего на вилле. Лишай привык к странным заданиям, хотя ему не нравилось быть пешкой в чужой игре. Утешало только одно – Ястреб тоже подчинялся сильному мира сего...

– Лишай, не спи! – грубый окрик Ястреба прервал воспоминания.

– Я и не собирался кемарить. Просто задумался о житухе, – слегка заплетаясь, ответил бандит.

Алкоголь, летний вечер и спокойный уют кабинета действовали расслабляюще. Уставший за день Лишай мечтал принять еще сотку для согрева души, улечься под одеяло и забыться крепким сном.

– Надо вычислить рыбака, – Ястреб, задрав голову к по-

толку, продолжал вышагивать по кабинету.

– Как?

– Походи вдоль речки. Потолкуй с рыбаками. Только без грубостей, без тупых наездов. Одень прикид поскромнее...

– Типа замаскироваться? – хохотнул Лишай.

– Умнеешь на глазах. Одежда должна соответствовать занятию и месту. В туфлях за двести баксов ловят рыбу президенты и жлобы. Покрутись среди людей. Все рыбаки, как родственники. Часто знают друг друга в лицо. Придумай убедительную версию, почему тебе приспичило найти этого Святого.

Озадаченный Лишай наморщил лоб и яростно почесал затылок. Подогретый алкоголем мозг работал с утроенной энергией.

– Скажу, должок надо вернуть.

– Какой?

– Бутылку...

– Не годится! Вдруг мужик трезвенник.

– На рыбалке без пузыря что на бабе в застегнутых штанах. Приятно, но кайфа никакого, – Лишай настроился пофилософствовать.

– О телках побазаришь с друзьями. Сейчас о Святом, который вас поимел, не расстегивая штанов, – хозяин виллы не упустил возможности унижить собеседника. – Надо поближе познакомиться. Может оказаться ценным кадром. Предложим поработать в нашей команде.

– У нас хватает народа. Если что, можно еще братанов набрать. Только свистни, – пробурчал Лишай.

– Братанов? Узколобых дебилов с бритыми затылками? Последышей пьяного зачатия, сменивших рогатки на настоящий «ствол»! – с неожиданной яростью выпалил Ястреб.

Его собеседник встал:

– Чей-то я не врубаюсь в базар? Тебе парни не в масть ложатся?

Ястреб понял, что перегибать палку не стоит. У любого человека есть самолюбие и потаенные струны души, которые лучше не задевать. Перед ним стоял коренной москвич, выросший на улице рабочей окраины, сын фабричной уборщицы и алкаша, закончившего жизнь в петле.

– Сядь, Лишай! Не о тебе речь. Мне нужны профессионалы. Сейчас каждый человек на счету. В этой стране стоящие люди всегда были большой проблемой. Не хватает профессионалов! Кругом безмозглые недоноски, умеющие лишь жрать и «бабки» требовать! Повторяю, к тебе это не относится, но мужика надо найти! Мало ли чего ему америкашка наболтал?! Да и за тачку спросить следует. Все-таки не на халяву тебе тачка досталась. На заработанную денежку куплена!

Лишай согласился с последним предположением:

– Факт! Отбашлял за джип из своего кармана... Ладно, найдем фраера. Мой интерес в этом тоже имеется, и америкашку додавим. Никуда он не денется.

Садиться бандит не стал. Продолжая стоять, он потянулся к стакану с недопитой водкой. Обхватив хрустальный сосуд короткопалой пятерней, Лишай поднес его к опухшим губам. Громко причмокивая, допил водку. Хозяин виллы с плохо скрываемым отвращением смотрел на осоловевшего громилу.

– Иди, выпись. Завтра покажись врачу.

– На хрена? Заживет, как на собаке.

Повернувшись, Лишай тяжелой поступью усталого человека направился к двери. Он шел покачиваясь, что-то невнятно бормоча под нос. У двери Лишай остановился. Повернувшись, сказал:

– Прикинусь, будто леску и крючки вернуть хочу. Нормальная отмазка?

– Годится. В самый раз. – Ястребу не терпелось выпроводить размякшего от выпивки бандита.

Компания уголовников тяготила Сергея Николаевича. Он относил себя к высшей расе людей, призванных занимать лучшее место под солнцем. А тут приходилось изображать из себя друга разных недоумков. Поэтому, когда захлопнулась дверь, Ястреб облегченно вздохнул.

Секунду он прислушивался к поскрипыванию ступеней лестницы, по которой спускался Лишай. Кабинет располагался на втором этаже. Из его окон открывался безмятежный ночной пейзаж. Поскрипывание прекратилось. Где-то внизу хлопнула дверь. Даже этот невинный звук раздражал Ястре-

ба.

– Неповоротливая сволочь, – выругался про себя желтоглазый хозяин особняка.

Во дворе залаяли собаки. На ночь охранники выпускали из вольера четырех доберман-пинчеров, бравших территорию под свой контроль. Длинноногий самец по кличке Клинтон был любимцем Ястреба. Увидав знакомый силуэт в окне второго этажа, пес залился лаем, приветствуя хозяйку.

Обычно Ястреб выходил во двор, чтобы покормить пса и потрепать по холке. Клинтон, которого из-за свирепого норова боялись даже охранники, благодарно облизывал руки и пытался одарить хозяина собачьим поцелуем в лицо. Пес словно признавал в Ястребе такого же хищника, как он сам.

Этим вечером Ястреб во двор не вышел. Вместо общения с бессловесным четвероногим приятелем он спустился на первый этаж, прошел мимо кухни, где коротали время охранники. Приоткрыв дверь, он заглянул внутрь. Двое амбалов, одетых по-домашнему в спортивную форму и сланцы на босую ногу, сидели за столом и что-то жевали. Увидав хозяина, они вскочили, чуть не перевернув стол.

– Что делаете? – безучастно поинтересовался Ястреб.

– Кофеек решили заварить, – бодро отрапортовал один из охранников. – Сергей Николаевич, кто это ребят так отоварил? Вся ванна и унитаз в кровище.

– Сами нарвались, – неопределенно ответил Ястреб и продолжил обход.

Сразу за кухней коридор поворачивал налево, ведя к двери, из-под которой пробивался свет. Войдя в комнатку, Ястреб поперхнулся от табачного дыма.

Дымовая завеса окутывала помещение от пола до потолка. Сквозь сизую мглу разноцветными пятнами светились квадраты компьютерных мониторов. Словно сверчок, стрекотал какой-то прибор, и звучала классическая музыка. Из тумана, сидя в офисном кресле с колесиками, выплыл очкастый, взлохмаченный бородач. Он подъехал к Ястребу почти вплотную, отталкиваясь ногами от покрытого мусором пола. Смятые сигаретные пачки, обрывки бумаг, вырванные книжные страницы валялись повсюду.

– Добрый вечер, Зенон, – хозяин виллы толкнул ногой кресло, освобождая проход.

– Привет, – прокуренным фальцетом просипел бородач, притормаживая пятками движение кресла.

Зенон заведовал компьютерно-электронным хозяйством виллы. Непризнанный гений программирования успел попариться на тюремных нарах, прежде чем попал к Ястребу. Он одним из первых получил срок за кражу из западноевропейского магазина, торгующего через Интернет. Послав фиктивный счет на электронный адрес магазина, Зенон получил экспресс-почтой полный комплект первоклассного компьютерного оборудования. Подвел бородача племянник.

Прыщавый пацан страдал от недостатка средств и равнодушия противоположного пола. Пользуясь полным доверием

дяди, юноша напечатал на лазерном принтере несколько листов копий дензнаков. С симпатичной одноклассницей, поддавшейся на уговоры, племяншк Зенона отправился кутить во второразрядный бар с бдительным барменом, бывшим по совместительству информатором Управления по борьбе с организованной преступностью. Когда юноша собирался поцеловать покоренную щедростью и опьяневшую от «Амаретто» подругу, в бар заявили оперативники РУБОПа. Бармен показал фальшивую купюру и указал на юнца, расплачивающегося подделками.

Суровые дяди вывели мальчишку в подсобку. Двинув кулаком по физиономии, они коротко спросили:

– Откуда фуффло?

Через племянника милиция вышла на Зенона. Слегка задвинутый технарь, получавший гроши в государственной конторе, не сумел убедительно объяснить, откуда в обшарпанной квартире появилась техника, равная по стоимости автомобилю представительского класса. Напористый следователь быстро расколол Зенона и пошел на повышение. О диковинном преступлении писали газеты, а потом о русском самородке быстро забыли. Когда Зенон, попавший под амнистию, вышел на свободу, такие преступления перестали быть редкостью, перейдя в разряд обыденной практики российских хакеров.

Шустрившего по мелочам виртуального взломщика пригрел Ястреб, оградивший компьютерщика от мелочной суеты.

ты, заботы о хлебе насущном и наездов уголовной шантрапы. Завернутый на вычислительной технике Зенон получил крышу над головой, солидное вознаграждение и главное – последние модели компьютеров. Фанат своего дела, он сутками торчал перед мониторами, выполняя задания своего благодетеля. Остальные ученые мужи были у Зенона, что называется, на подхвате.

– Когда свинарник уберешь? – задал риторический вопрос Ястреб, выбирая стол почище.

Комната, похожая на газовую камеру, была командным пунктом Зенона. Тут он спал на узкой, жесткой тахте, придвинутой к стенке. Тут же расслаблялся с проститутками, отдавая дань природе. Лишай, поставлявший шлюх, безбожно издевался над странным бородачом. Он привозил такие экземпляры, при виде которых собаки в вольере начинали выть. Неразборчивый Зенон быстро затаскивал девицу в комнату, трахал и с шумом вышвыривал прочь. Дело в том, что, как правило, проститутка умудрялась задеть какой-нибудь прибор или растоптать упавшую на пол дискету.

– Корова толстозадая! Убирайся немедленно! – вопил бородач, выталкивая обнаженную девицу в коридор под восторженное улюлюканье братвы, собравшейся посмотреть очередной спектакль.

Лишай однажды предложил компьютерщику:

– Давай тебе в секс-шопе резиновую чувиху купим. С пшалькой. Надул, трахнул, тряпочкой протер и порядок.

– Это противоестественно, – пожевав губами, ответил бородач.

Впрочем, подобные шалости позволялись лишь в отсутствие хозяина виллы. Зенон был на особом счету, и за него Ястреб мог запросто оторвать голову. Поэтому братва относилась к компьютерщику с должным почтением и без приглашения в задымленную келью носа не показывала.

Зенон был чудаковатым малым. Временами он впадал в забытие. Закатив глаза, он дергал себя за клокастую бороду, похожую на истрепавшийся веник, и мог молчать часами. Временами его прорывало, и тогда компьютерщик без перерыва травил древние анекдоты, матерился или гнусавым голосом распевал опереточные серенады. Жесткие волны электромагнитного излучения наверняка повредили какую-то часть мозга бородача. Но этим вечером Зенон, судя по плавным звукам вальсов Штрауса, струившимся из спрятавшихся в дыму колонок, пребывал в благостном настроении.

– Порядок – категория относительная. У меня не гинекологический кабинет и не станция переливания крови. Стерильность должна быть здесь, – согнув крючком указательный палец, Зенон выразительно постучал по экрану мерцающего монитора.

– Лекцию о вирусах прочитать собрался? – усмехнулся Ястреб, привыкший к чудачествам непризнанного гения.

– Нет. Краткое научное сообщение.

Открыв ящик стола, Зенон достал расческу с редкими зубьями и принялся вычесывать из бороды застрявшие крошки печенья. Патологически неаккуратный, он выглядел как бомж, которого только что достали из мусорного бачка.

«Хорошо, что все время сидит в своей норе и не шляется по дому. Провонял насквозь», – неприязненно подумал Ястреб.

Оттолкнувшись, Зенон переехал к другому столу, чтобы убавить громкость. Музыка, словно запутавшись в клубах дыма, исчезла.

– Ястреб, тут кое-какие прибабасы новые на рынке появились. Надо бы приобрести. Я список накалякал. Расходы мизерные, а польза может быть большая, – согнувшись под столом, компьютерщик ковырялся в кипе бумаг.

Обнаружив искомое, он выдернул смятый листок, послуживший, судя по пятнам, салфеткой или подкладкой для жирной еды. Поборов природную брезгливость, Ястреб взял бумагу. Прайс-лист с ценами на технику был испещрен пометками. Небрежно сложив бумагу пополам, Ястреб сунул заказ в карман:

– Сделаем. Без проблем. Завтра, после обеда, прошвырнешься с Лишаем по фирмам.

– Опять с этим тупорылым троглодитом, – разочарованно прогугнил Зенон.

– У меня других людей нет. Кстати, как продвигаются наши дела? Удалось взломать коды Министерства обороны?

Зенон заметно скис. Он сгорбился, прекратил лелеять свою бороденку и вообще съежился, как-то уменьшился в размерах.

– Нужные – нет, ненужные – да. Доступ заблокирован, а может, вообще информация вне пределов досягаемости. Все-таки безопасности государства касается.

Новость Ястреба не удивила. Существуют головоломки, разгадать которые не могут даже гении. Только автор замысловатых ребусов знает зашифрованный ответ. Значит, проблема заключалась в том, чтобы найти автора. Ястреб нашел такого человека, но пока не сумел разговорить. Им был несговорчивый американец.

– Послушай, Зенон, у нас есть базы данных Генпрокуратуры, министерств юстиции и обороны? – помахивая ладонью, Ястреб разгонял терпкий дым, из которого на девяносто процентов состояла атмосфера комнаты.

– Кое-какую информацию я сумел скачать. Не все, конечно. Есть архивные дела по уголовке. Информация кадровых управлений... Но, сам понимаешь, у нас не Штаты. Много бардака, бессистемности. Да и спецов стали поактивнее привлекать, пароли на базы данных сложные устанавливать...

Зенон готовился пуститься в пространные объяснения с обилием непонятных терминов и специфических оборотов речи, доступных только специалисту.

От спертого воздуха у Ястреба трещала голова. Сказывалась и старая рана – поцарапанное пулей легкое. Он при-

щелкнул пальцами, приказывая компьютерщику заткнуться. Правильно поняв жест хозяина, Зенон замолчал.

– Поколдуй над клавиатурой и попробуй что-нибудь узнать о парне по кличке Святой...

– Слабый ориентир, – резонно заметил бородач, выгребая из переполненной пепельницы бычок посолиднее.

От зековской привычки выкуривать сигарету до фильтра Зенон никак не мог избавиться, хотя курева всегда имел в избытке. Откопав подходящий окурочок, он отложил его в сторону.

– Догадываюсь. Не ориентир – иголка в стоге сена. Но чем черт не шутит. Может, парень где-то засветился. Оставил след в истории. – Ястреб придвинулся поближе. – Надо искать среди отставников...

– По кличке? Среди отставников? Вояки не блатари. У них звания, погоны, должности. Ты что-то перемудрил, Ястреб, – скептически покачал лохматой головой компьютерный гений.

– Попытка не пытка. С тебя не убудет, – в голосе хозяина зазвучали металлические нотки.

Перечить Ястребу не имел права даже лохматый гений. Уловив недовольство хозяина, Зенон встрепенулся. Он пригладил вихры и опустил тонкие, словно у пианиста, пальцы на кнопки клавиатуры. Монитор подмигнул, меняя картину заставки на таблицу поисковой системы. В углу загудел высокий металлический шкаф.

– Святой... базы данных... Святой... А куда я зафигачил архивы? – впадая в рабочий транс, забубнил Зенон.

Процесс пошел. Компьютерщик с остервенением барабанил по клавишам, впиваясь красными, словно у кролика, глазами в монитор. Работа в исполнении бородача походила на приступ шизофрении, когда человек выпадает из реального пространства, перемещаясь в другое измерение. Его телесная оболочка, оставшаяся без присмотра, совершала дикие телодвижения, как будто хотела нагнать забывчивого хозяина. Зенон то откидывался на спинку кресла, то наваливался грудью на стол, приклеивался носом к монитору, то весело всхрапывал, оборачиваясь лицом с незрячими глазами в сторону Сергея Ястребцова:

– Ну чудеса! Ну дурак программку писал. Сплошные глюки! Автор – форменный болван! Клинический идиот. Можно же гораздо проще...

Зенон трудился на полную катушку. Теперь его нельзя было остановить. Ястреб знал, что, покуда бородач не перелопатит всю доступную информацию, сопровождая поиск комментариями по адресу собратьев-программистов, он не успокоится.

– Кажется, я здесь лишний, – пробормотал Ястреб, вставая с кресла.

Уход хозяина остался незамеченным. Лохматый Зенон, прикинувшись к монитору, увлеченно блуждал в виртуальных дебрях, пытаясь обнаружить след мифического, по его мне-

нию, Святого.

Ночь накрыла Подмоскowie звездным плащом. Схлынувшая летняя жара сменилась бодрящей прохладой.

Ястреб любил ночь. Вернувшись в кабинет, он приоткрыл окно, вдыхая полной грудью покалывающий легкие воздух. Далеко за бором полыхнули зарницы.

«Скоро и мы устроим грандиозный фейерверк», – подумал хозяин виллы, растревоженный видом атмосферного явления.

Взяв со стола бутылку, Ястреб плеснул на дно стакана немного джина. Тоника после минутного раздумья он добавлять не стал. Пригубив, прошелся по кабинету, разыскивая пульт телевизора. Найдя пластиковый параллелепипед со сглаженными углами, он нажал кнопку.

Черный экран широкоформатного «Панасоника» ожил. Лицо милостивой дикторши, читавшей итоговый выпуск новостей, было неискренне-печальным. Ей, судя по нахмуренным бровям, осточертел прямой эфир, и сводке новостей она предпочла бы меню в хорошем ресторане. Но работа есть работа, и ведущая исправно долдонила о событиях минувшего дня.

Ястреб поудобнее устроился в кресле, время от времени прикладываясь к стакану.

– Война на Балканах вступает в завершающую стадию. Бомбардировки, начатые двадцать четвертого марта, не прекращались и сегодня. С итальянской авиабазы в Авиано и

с палубы авианосца ВМФ США «Энтерпрайз» в челночном режиме взлетали истребители-бомбардировщики «Торнадо» и «Ф-16А». Авиаудары наносились по Белграду и системам противовоздушной обороны на всей территории Югославии. В результате бомбардировок имеются многочисленные жертвы среди мирного населения, – уныло, без особых эмоций цедила дикторша.

В той же тональности она могла бы рассказывать о прокладках, жевательной резинке или очередном правительственном кризисе. Невыразительную ведущую сменили кадры хроники. Ястреб подался вперед, перебазировавшись поближе к телевизору.

Стальные остроносые птицы взмывали в небо с палубы авианосца, клубились взрывы, двигались колонны беженцев, дымились руины домов – обычная картина войны, названной силовым давлением ради предотвращения гуманитарной катастрофы. Ястреб знал, что название не меняет сути. Как войну ни назови, она остается войной. Сергей Ястребцов сам понюхал пороха и вволю настрелялся.

Боевое крещение он принял, контролируя участок Пригородного района. Там намертво сцепились осетины с ингушами, безжалостно истребляя друг друга за полосу плодородной земли в предгорьях Кавказа. Молодцеватый командир взвода, выпускник училища МВД, сам напросился в спецназ. Лучшему курсанту Сергею Ястребцову не могли отказать, и он оправдал доверие командования.

В зоне ответственности группы Ястребцова горячие кавказцы быстро утихомирились. Молодой лейтенант навел порядок железной рукой. Вычислив главных бузотеров, он нанес несколько ночных визитов. После беседы заводилы выковыривали из десен осколки зубов или оказывались в реанимационном отделении больницы. Приходя в сознание, они видели над собой улыбающегося лейтенанта Ястребцова, обещавшего позаботиться об их семьях. После такого обещания у них пропадало желание участвовать в погромах и разборках. Желтые глаза лейтенанта парализовывали волю горячих кавказцев.

Но однажды Ястребцов перестарался. Остановив при досмотре замызганный «Жигуль», спецназовцы нашли в багажнике смазанный оружейным маслом новенький автомат. «Калашников» даже не был спрятан и лежал поверх ящиков с фруктами. На шоссе Ястребцов провел расследование, после которого череп водителя не смог бы склеить ни один нейрохирург.

Военная прокуратура возбудила дело об умышленном убийстве. Но командование попросило не выносить сор из избы. Тогда ушлый прокурор обвинил лейтенанта в превышении служебных полномочий. Это тоже не понравилось руководству. Пошевелив извилинами, ответственные лица нашли компромиссный вариант. Медицинская комиссия обнаружила у лейтенанта Ястребцова редкое инфекционное заболевание, при котором воспаляется кора головного мозга.

Побочным следствием редкой болезни бывают кратковременные приступы шизофрении. Следовательно, по заключению авторитетной комиссии, лейтенант Ястребцов не может нести ответственность за содеянное. Он должен быть комиссован по состоянию здоровья и направлен на лечение. Кроме того, лейтенанту, подхватившему коварную заразу при исполнении служебного долга, полагается пенсия.

Благодарный Серега Ястребцов перечить командованию не стал. Он принял все условия, спасаясь от тюрьмы. Военная карьера оборвалась, не успев начаться. Но он не жалел о скоропалительном финале. Там, в Пригородном районе, он впервые почувствовал себя хищником, которому нравится убивать. Убивать не по приказу или необходимости, а когда возникнет желание.

Покантовавшись в клинике, бывший спецназовец выпи­сался с диагнозом, отмечающим некоторые изменения в психике. Пациенту предписывалось навещать психиатра каждые полгода для профилактического осмотра по месту жительства. Но пациент услугами эскулапов не воспользовался. Он пропал, а его история болезни затерялась в пыльных шкафах клиники.

Ястреб сменил климат. В составе отряда русских добровольцев он отправился в райский уголок для любителей острых ощущений – Боснию. Идеи­ные спутники талдычили о славянском единстве, православном братстве и исламской угрозе, а он смотрел в иллюминатор самолета, предвкушая

большое приключение.

Босния была адским котлом, местом всеобщей резни. Ястреб оказался в своей стихии. Сербы назначили отличившегося в боях русского командиром мобильной группы, совершавшей рейды по тылам противника. Ястреб с бандой отъявленных головорезов колесил по дорогам, устраивал диверсии и засады, пока сам не угодил в расставленную западню.

Его команду взяли в клещи у древнего монастыря. Подбив из гранатомета головную машину, противник шквальным огнем заставил людей Ястреба отступать к монастырю по убранному кукурузному полю. Они яростно огрызались, отстреливаясь из всех видов оружия, но силы были неравными. На открытом пространстве их убивали как куропаток.

До красноватых стен обители добрались только Ястреб и могучий казак из Ростова-на-Дону по имени Вася. Ворота монастыря были наглухо заперты. По полю, растянувшись цепью, двигался враг. С каждой секундой человеческие фигурки увеличивались в размерах.

– Все, хана, – казак, отстегнув рожок короткоствольного автомата, убедился в отсутствии патронов. – Сейчас секир башка будут делать.

Он опустил на корточки. Сняв с шеи цепочку, Вася поцеловал нательный крест и водрузил его обратно. Затем из кармана куртки он извлек отполированный патрон, снарядил и пристегнул магазин. Передернув затвор, казак приставил автомат к груди.

– Прощай, Серега! Не поминай лихом! – на выдохе произнес Вася, нажимая на спусковой крючок.

Казак промазал. Пуля, черканув по сердцу, закружилась, наматывая внутренности могучего тела. И в ту же секунду достали Ястреба. Он почувствовал толчок и обжигающую боль ниже правого плеча. Камуфлированная куртка набухла кровью. Ноги стали ватными, а в голове зазвенел колокол. Но Ястреб устоял на ногах.

В арсенале командира диверсионного отряда оставались парочка гранат и несколько патронов в обойме австрийского пистолета «глок». Достаточно боеприпасов, чтобы продать свою жизнь или с честью уйти из нее. Но Ястреб не стрелял в приближавшихся людей. По нарукавным шевронам, украшавшим куртки врага, он опознал боснийских мусульман. Боевики приближались осторожно. Пригибаясь к земле, короткими перебежками боснийцы ползли к монастырю как саранча. Ястреб спрятал руку с зажатой гранатой в карман. Достав сигарету, он закурил и сел рядом с корчившимся в пыли казаком. Жизнь никак не хотела уходить из могучего тела ростовчанина.

Осмелев, враги поднялись в полный рост. Подошедший первым юнец с едва наметившимися усиками что-то гортанно выкрикнул, приставив ко лбу Ястреба ствол автомата.

«Стреляй, сопляк! Наслаждайся видом вылетающих мозгов! Слишком много базара для такого момента... Нет, пацан, ты не сможешь выстрелить в упор, пока я смотрю тебе

в глаза», – вел мысленный диалог пленный, с наигранным спокойствием мусоля сигарету, зажатую в уголке губ.

Галдящая толпа боснийцев, бряцающих оружием, расступилась. Сквозь коридор боевиков прошел низкорослый человек, одетый в безупречно белый шерстяной свитер и черные брюки без единой пылинки. Среди пятнистого камуфляжа военной формы он выглядел франтом, прибывшим сыграть партию в гольф. Подойдя к Ястребу, фронт неожиданно спросил на ломаном русском:

– Россиянин?

– Да...

Командир боснийцев безмолвно указал на скрипящего зубами Василия.

– Тоже русский, – сплевывая кровью, ответил Ястреб.

Толпа боевиков кипела от возмущения. Казалось, они готовы голыми руками закопать добровольных помощников сербов в землю. Коротышка обернулся. Толпа замерла под тяжелым взглядом предводителя.

«Кажется, отвоевался», – пульсировала одинокая мысль в мозгу Ястреба.

Он пожелал себе быстрой смерти и приготовился вырвать чеку гранаты, зажатой в потной ладони.

Но коротышка вдруг ослабился, показывая ряд неровных зубов. Затем он указал на Василия, черкнув ладонью по горлу. Ястреб понял этот интернациональный жест, символизировавший смерть. Неспешно – давала знать о себе поте-

ря крови – Ястреб вытащил из ножен, висевших на широком поясном ремне, зазубренное лезвие натовского штык-ножа. Трофей подарил командиру казак, снявший добычу с убитого в рукопашном бою боснийца. Ползком подобравшись к товарищу, Ястреб приподнял его голову и мастерским движением профессионального убийцы взрезал глотку.

Василий захрипел, забившись в конвульсиях. Густая кровь хлестнула фонтаном. Веер рубиновых брызг окропил лицо Ястреба и стены монастыря. Внезапно где-то в поднебесье глухо ухнул колокол. Длинный, пронзительный звук разбуженной меди поплыл над кукурузным полем к череде холмов на горизонте. Отчаянный звонарь обители будто сигнализировал богу об еще одной душе, проданной дьяволу.

Коротышка кивнул снайперу. Стрелок припал к монокуляру прицела, нашел цель и выстрелил. Гул колокола заглушил крик падающего с высоты звонаря.

– Ибрагим Хаги, – коротышка протянул Ястребу ладонь с пухлыми пальцами, унизанными золотыми перстнями.

Через три месяца сербская разведка доносила о русском наемнике, воюющем в отряде албанских сторонников боснийских мусульман. А на кресте, воздвигнутом под стенами в честь русских братишек, сложивших головы за правое дело, значилась фамилия Ястребцова...

«Боже, сколько воды утекло с того времени. Славные были денечки», – телевизионная картинка растревожила воспоминания Ястреба.

Дикторша зачитывала прогноз погоды. Повиливая обтянутой узким платьем попкой, девушка ходила у карты с линиями циклонов, атмосферных фронтов, пятнами облачности. Прогноз был оптимистичным. Погода обещала быть ясной от Балтийского побережья до Адриатики. Ястреб убрал громкость. Взяв стакан, он шутливо чокнулся с телевизионным экраном:

– За благоприятные климатические условия, красавица!

Теледива ослепительно улыбнулась, успев на прощание отрекламировать чрезвычайно эффективное средство против запоров и вздутия живота.

«Пора укладываться. Сон действительно лучшее лекарство от многих недугов. К тому же скоро сон станет роскошью. Надо подготовиться, поднакопить сил перед серьезным делом», – сладкая дремота брала хозяина виллы в свои объятия.

За дверью кабинета раздалось чахоточное покашливание. Кто-то деликатно намекал на желание войти.

– Зенон, ты? – безошибочно определил Ястреб.

– Можно? – спросил скрипучий голос, принадлежавший компьютерному гению.

Дверь отворилась. В прямоугольном проеме возникла сутулая фигура с перекошенными плечами. Зенон держал в руках ворох бумаг, как обычно залитых кофе и перепачканных жирными пятнами.

– Что-нибудь существенное? – голосом усталого царе-

дворца спросил Ястреб.

– Весьма. Стал бы я ломиться на ночь глядя по пустякам, – компьютерщик разложил на столе распечатанные материалы.

Ястреб терпеливо ждал, выдерживая паузу. Поспешность не была его стилем.

– Посмотри, что я нашел, – немного растерянно произнес Зенон, придвигая кипу бумаг.

Хозяин виллы углубился в изучение материала. Он отсортировывал листы, раскладывая их в отдельные стопки. Информация, добытая Зеноном, была разрозненной и происходила из различных источников. Сухие строки судебных протоколов соседствовали с газетными репортажами и выдержками из послужного списка. Во всех без исключения документах речь шла о Дмитрие Рогожине, бывшем майоре отдельной бригады МВД специального назначения, носившем оперативный псевдоним Святой.

– На ловца и зверь бежит, – вполголоса бормотал Ястреб, перебирая бумаги.

– Да, редкая удача. Я как-то сразу выцепил его в банке данных. Потом электронные подшивки прессы перелистал. Крутой мужик.

– Впечатляющая биография. Послужной список интереснее приключенческого романа читается. Прошел огонь, воду и медные трубы. Закончил службу матушке-Родине в девяносто четвертом году. Попал в засаду на горном перевале и

был ранен. Из госпиталя бежал. Вел самостоятельное следствие по делу родного брата, обвиняемого в убийстве собственной жены. Забавно... Я угадал в нашем новом знакомом правдолюбца, – Ястреб отложил бумаги и принялся разглаживать ниточку шрама.

Залетевшая в кабинет ночная бабочка билась об абажур настольной лампы. Машинальным взмахом руки желтоглазый поймал насекомое и аккуратно раздавил пальцами.

– Дмитрий Рогожин устроил самосуд над людьми, подставившими брата, но самого брата спасти не сумел. Сдался властям... – продолжил чтение документов Зенон.

– Дурак, – немедленно вставил Ястреб, имевший свое мнение о законе.

– ...был признан невменяемым и отправлен на принудительное лечение в психиатрическую лечебницу закрытого типа.

– А в этом мы похожи. Оба стопроцентные психи, – захотел Ястреб, запрокинув назад голову.

– Погиб при пожаре психушки, – лохматый бородач отложил последний лист.

– Что в прессе писали?

– Некая Дарья Угланова сделала журнальный репортаж, навестив осужденного майора в психушке как раз в день пожара.

– Любопытное совпадение, – Ястреб сделал пометку в блокноте.

– Послушай, Ястреб, зачем тебе мертвецы? – недоуменно пожимая плечами, спросил Зенон, не знавший о дневном происшествии.

– Сегодня человек, называвший себя Святым, отделал моих людей под орех. Лишай вернулся с пастью, набитой песком, и свернутой челюстью. Двое других – не лучше. Человек, называющий себя Святым, помешал довести до кондиции известного тебе клиента Стивена Хоукса. Он сжег нашу машину.

– Но ведь Святой мертв!

Подняв над головой кипу бумаг, Зенон энергично потряс, казалось, неопровержимыми доводами. Вставший Ястреб оказался на голову выше сутулого компьютерщика. Он осторожно перехватил бумаги и спрятал в ящик письменного стола. Затем посмотрел на Зенона и тихо процедил сквозь зубы:

– Святые умеют воскресать.

Минут через двадцать багровые окна виллы потухли. Тьма вступила в свои права царствовать над спящей землей. Только бродившие по двору особняка собаки и охранники бодрствовали до утра.

Глава 3

Первый месяц лета выдался жарким. Синоптики предсказывали рост температуры и отрицали возможность дождя. Город плавился под лучами палящего солнца. Задыхаясь от смога, горожане литрами поглощали прохладительные напитки, приносили баснословные прибыли производителям мороженого.

Состоятельные москвичи отправлялись на заграничные курорты, исключив из списков Адриатику, над которой носились натовские бомбовозы, утюжившие непокорных сербов.

Люди среднего достатка с сожалением вспоминали недорогие болгарские курорты, читая сообщения в газетах об очередной крылатой ракете, грохнувшейся в предместьях болгарской столицы. Основная масса москвичей, чьи кошельки и заначки опустошил финансовый кризис, с лейками и шлангами спасали будущий дачный урожай или проводили выходные, загораая на берегах водоемов Подмосковья.

Дмитрий Рогожин хорошо переносил жару, но плохо – городскую суету. Однако город притягивал Святого словно магнит. Выбравшись из очередной передраги, а их в судьбе бывшего майора частей специального назначения хватало с избытком, он возвращался в шумную, суетливую столицу. Московский стиль жизни был Святому не по душе.

Вечная погоня за призрачным успехом, за большими деньгами, за славой и известностью были уделом жителей Первопрестольной. А он, выросший в отдаленных военных городках, вокруг которых простиралась степь, бесконечная, как сама вечность, тянувший ляжку службы там, куда не добиралась ни одна генеральская инспекция, исповедовал иные ценности в жизни. Впрочем, идеалы Святого мало чем отличались от идеалов порядочных людей, веривших в справедливость, не прощающих предательства, полагавших, что совесть не продается даже за очень большие деньги. Бывший майор не просто верил в благородные принципы, под которыми мог подписаться любой нормальный человек, он действовал, добровольно подчиняясь законам совести.

Жить по совести оказалось дорогим удовольствием. Оказалось, что ради справедливости приходится переступить через статьи Уголовного кодекса. Оказалось, что негодяя, убийцу, махинатора, продажного чиновника или высокопоставленного военного, ставшего откровенным предателем, не так-то просто припереть к стенке и отправить на нары за совершенное преступление. В современной России разная мразь научилась манипулировать законами, обвиняя невиновных, устраняя конкурентов, запугивая сограждан.

Святой не желал повиноваться такому закону. Однажды выбрав свой путь, опасный, как лезвие самурайского меча, он восстановил справедливость и оказался вычеркнутым из списка законопослушных граждан. Битый жизнью экс-спец-

назовец не сломался в мрачных камерах следственного изолятора. Он выдержал пытки психушки, где здоровый мужчина быстро превращался в безмозглую скотину, готовую по приказу поглощать собственное дерьмо. Добыв свободу, Святой не изменил своим принципам, хотя судьба долбила его со всех сторон.

Но бывший майор не был неудачником, пытавшимся плыть против течения. Он остался солдатом, ведущим персональную войну, на которой случалось затишье.

Лето предпоследнего года уходящего века Святой проводил в Москве. Выбравшись из последней передрыги, добавившей седины и несколько шрамов на теле, он почувствовал необходимость пожить жизнью мирного обывателя. Нет, это не было усталостью. Просто Святой боялся привыкнуть к насилию и крови, переродиться из человека в машину, умеющую только крушить и убивать.

Размеренный темп жизни, встречи с друзьями, вечерние посиделки за бокалом хорошего вина или чего-нибудь покрепче, работа и прочие скромные радости восстанавливали силы и приводили в порядок нервы лучше любого лекарства. Все это Святой смог найти в задымленном, суетливом городе.

Старая приятельница Святого, неутомная журналистка Дарья Углова, прославившаяся скандальными репортажами и сенсационными расследованиями, мудро посоветовала:
– Не зашивайся в глушь. В провинции каждый новый че-

ловек привлекает внимание. А здесь все заняты сами собой. Лучший метод конспирации – затеряться в толпе на людном месте.

Блиzkих людей у Святого оставалось немного. К тому же он часто оказывался в водовороте событий, оканчивавшихся для окружающих трагически. Угланова же была по натуре авантюристкой, которой сопутствовала удача.

– Я твой счастливый талисман, – повторяла Дарья, прижимуривая удивительно чувственные глаза.

– Может, это я твой ангел-хранитель? – заключая девушку в объятия, спрашивал Святой.

– Скорее бес-искуситель, обольщающий невинное создание, – ворковала журналистка, прижимаясь к сильному мужчине.

Слова о невинности были явным преувеличением. Жгучая брюнетка с феноменальной фигурой в профессиональных целях, правда, в исключительных случаях пользовалась своими природными данными, обольщая нужных мужчин, ужасно разговорчивых в постели. Дарья не находила подобный способ добычи информации безнравственным, утверждая, что работа должна приносить пользу и наслаждение. Последнее утверждение было шуткой.

Старая дружба перерастала в нечто большее, чем приятельские или партнерские отношения. Дарья часто повторяла, заглядывая Святому в глаза:

– Давай уедем, как все нормальные люди.

– Куда?

– В Канаду, в Штаты или Европу. Организуем свой маленький бизнес...

– ...и будем спокойно ждать старости. А потом мы умрем в один и тот же день. Нас похоронят рядышком, как мужа и жену, – гнусавым голосом сказочника передразнивал Святой.

Встряхнув копной густых волос, Дарья набрасывалась на обидчика и барабанила кулачками по широкой мужской груди.

– Болван бесчувственный! Нас и здесь похоронить рядышком могут. С твоими способностями притягивать неприятности такой план более чем возможен. Я за тебя беспокоюсь! – всхлипывая, бормотала девушка.

Инциденты завершались взаимными извинениями за глупые шутки, поцелуями и походом в какой-нибудь уютный ресторанчик с ужином при свечах. Расторопные официанты с удовольствием обслуживали видную пару – сногшибательную брюнетку и статного, с литой мускулатурой и тронутыми сединой висками, мужчину.

Святой боялся ответить Дарье взаимностью. Слишком шатким было его положение человека-невидимки. Слишком много претензий могла предъявить бывшему спецназовцу власть и ее конкретные представители. А создавать проблемы для Дарьи он не хотел. Впрочем, задиристая журналистка принадлежала к особому клану пишущей братии, прозван-

ной «разгребателями грязи». Она бралась за рискованные темы, гонораром за которые могла стать пуля.

Последний цикл статей Дарья посвятила торговцам наркотиками и их боссам. Тема избитая, но всегда актуальная. Описав шустрящих по мелочи уличных торговцев, Углонова заскучала. Ей нужен был убойный материал, который выхватывали бы из рук редакторы крупных изданий. Обществу, по большому счету, было наплевать на наркота, загнущегося в сортире дискотеки, на бабку, продающую семечки и по совместительству травку, на цыганских наркочилеров и таджикских курьеров с героином в каблуках стоптанных туфель. Читатель мог купиться на свежую сенсацию.

Идею нового расследования навеял просмотр телевизионного концерта кумира эстрады. Певец неопределенного пола приплясывал под забойный мотивчик очередного шлягера. Он что-то шепеляво гнусил про любовь, жаркие ночи и одинокие дни. Томные девицы подтанцовки вяло извивались в ритм музыке.

Дарья, смотревшая скучное шоу по маленькому телевизору на кухне, задумчиво сказала:

– Этот кумир малолеток окосел от наркоты. Наверняка ширяется перед выходом на сцену.

Кривляющийся на сцене певец походил на лагерного доходягу, обряженного в пиджак с блестками. Он шелестел бесцветным голосом и, вихляя задом, бегал по сцене.

– Нормальный мужик, – сказал Святой, не любивший

крайности в суждениях. – Ну, натянул женские колготки вместо штанов. Но разве это признак наркомании – носить одежду противоположного пола? Впрочем, пусть разбирается сексопатолог.

– Нет. Наш певун определенно наркоша. Глаза сумасшедшие. Двигается словно марионетка, которую за ниточки кукловод дергает. Потенциальный клиент наркологического диспансера.

Дарья завелась. Она возбужденно ходила по кухне, обдумывая тему журналистского расследования. В такие минуты Святой старался не мешать своей приятельнице. Упрямая журналистка обладала поистине звериным чутьем на скандалы и, взяв след, раскручивала дело до конца. В этом Углановой не было равных среди коллег по перу. Такие способности приносили ей солидные гонорары и массу неприятностей. Поэтому Святой старался ограждать девушку от мстительных героев скандальных разоблачений.

А Дарья в свою очередь всю эксплуатировала желание друга уберечь ее от неприятностей. Она даже оформила Святого на должность фоторепортера в одном из богатейших столичных издательств, выпускавших дюжину глянцевого иллюстрированных журналов и пару солидных газет. Когда владельцу издательства настучали о странном фотографe, не предоставившем ни одного негатива, ни одной отснятой пленки, он вызвал к себе Угланову, чтобы разобраться в странной ситуации. Магнат журнально-газетной импе-

рии высоко ценил профессиональные качества Дарьи и в глубине души даже побаивался ее острого языка и не менее отточенного пера. За бывшим скромным завлабом научно-исследовательского института, сколотившим состояние в смутные годы перестройки, числились кое-какие грешки. Обидевшись, Дарья запросто могла испортить магнату репутацию. Поэтому он, предложив бокал французского «Божоле» лучшей журналистке из его команды, вкрадчиво поинтересовался:

– Дарья, я не могу выбрасывать деньги на ветер. Кого ты сосватала издательству? Человека-невидимку? Фотографа одного кадра? Народ волнуется и не понимает такой политики. Ведь у нас кто не работает, тот и не ест.

Выслушав краткую речь шефа, Дарья пригубила вино. Попробовав божественный плод труда французских виноделов, она виртуозно выругалась:

– Настучали, козлы завшивленные. Не могут избавиться от старой советской привычки закладывать начальству.

– Генетика, – неопределенно развел руками магнат, приготовившись ждать объяснений.

Медленно допивая вино, Дарья одновременно выстраивала в уме доказательства необходимости платить Святому из кармана издательства. Приготовившись, она пересела поближе к шефу и, обворожительно улыбаясь, заворковала:

– Мне нужен эксперт и телохранитель в одном лице.

– А такие бывают? – попадая под женские чары, спросил

владелец издательства.

– Редко, но в природе встречаются. Я экономлю ваши деньги, а вы меня на разборки вызываете, – Дарья кокетливо погрозила пальчиком.

Размякший шеф начал забывать о ревнивой жене. Он осторожно положил ладонь на округлое колено Углановой, обтянутое возбуждающе-ажурными лайкровыми колготками.

– Дашенька, ваши объяснения меня вполне устраивают. Пусть человек работает с вами, но давайте проведем его по другой статье расходов. Например, включим оплату его услуг в ваш гонорар, – задыхаясь от вожделения, произнес тучный магнат, опасавшийся перейти к более решительным действиям.

Повертев в тонких пальцах бокал на высокой ножке, Дарья согласилась:

– О'кей. Пусть будет по-вашему. Но моему человеку нужно редакционное удостоверение.

– Я распоряжусь, – теряя голову от близости сексапильной брюнетки, полушепотом произнес владелец издательства.

Напряженную обстановку разрядил телефонный звонок. На связь вышла ревнивая супруга, предупредившая о своем скором приезде в офис. Хриплый каркающий голос жены остудил пыл магната, вознагражденного за понятливость лишь скромным воздушным поцелуем.

По негласному контракту, Святой сопровождал журна-

листку, отправлявшуюся в те места, куда и милиция ходит по уши вооруженной, скрыв лица под масками. Воровские «малины», торговые точки наркодилеров, подпольные порностудии и цеха, штампующие пиратские копии видеокассет, компакт-дисков, были темами репортажей неугомной Дарьи Углановой. Она умела договариваться с людьми и не писать лишнего.

Но инциденты случались. Тогда бесшабашную журналистку прикрывал Святой. Вскоре в определенных кругах распространился слух, что у пронырливой стервозы, то бишь у Дарьи Углановой, есть мощная крыша. Что журналистку опекает отпетый головорез с железными кулаками то ли из мафии, то ли из спецслужб.

Слухи не соответствовали действительности. Ни с кем из сильных мира сего Дарья не была связана. Превыше всего она ценила независимость. Святого Дарья называла партнером, но втайне мечтала установить иные отношения, принеся в жертву даже свою независимость.

Кроме сотрудничества с журналисткой, Святой занимался реставрацией старой техники. Дарья в свое время познакомилась с состоятельным бизнесменом, помешанным на раритетных автомобилях, мотоциклах и других видах транспорта. Толстосум мечтал создать музей и назвать его своим именем. Каждый посетитель будущего музея смог бы прокатиться в джипе времен Второй мировой войны или проехаться на легендарном «ЗИМе». Бизнесмен пытался соби-

рать и военную технику, но власти запретили делать это.

В арендованных ангарах разместились и коллекция, и мастерские. Группа энтузиастов, специалистов первого класса с золотыми руками, сверлила, паяла, вытачивала недостающие детали, драила от ржавчины старые автомобили.

Святой вписался в коллектив сразу. Он обожал возиться с железками и многое умел. Николаевич, потомственный рабочий, отпахавший на заводе имени Лихачева сорок лет, с одобрением крякнул, увидав работу Святого на фрезерном станке:

– Ты, паря, наверное, передовиком производства раньше был. Ордена получал.

Чистивший щеткой консоль станка от металлической стружки Святой ответил, пряча горькую усмешку:

– Получал, отец, ордена. Сначала ордена, а потом по голове, чтобы не высывался.

Мудрый старик не стал приставать с расспросами. Лишь однажды, когда компания обмывала окончание реставрации трофейного немецкого «Хорха», купленного бизнесменом у внуков генерала, освобождавшего Вену, дед, многозначительно покачивая плешивой головой, обмолвился:

– А паря, видать, с богатой биографией. Все тело в шрамах.

Подошедшему к столу Святому дед налил стопарь до краев, что означало высшую степень уважения.

Однако в мастерских Святой появлялся нерегулярно. На

первом плане у него оставалась Дарья, которую он опекал и защищал. Но вместо посещения мест обитания всякого отребья он с удовольствием предпочел бы сутки напролет возиться с техникой, вдыхая запах машинного масла, слушая шелест стружки, сбегаящей из-под кромки фрезы или резца.

К новому расследованию до поры до времени Дарья Святого не привлекала. Наметив жертву, безголосого певца, она усиленно посещала богемные тусовки артистов, ходила на концерты и презентации новых музыкальных дисков. Пытаясь втереться в доверие, она тиснула хвалебную рецензию про очередной альбом кумира, бывшего потрясающе бездарным. Тактика Углановой полностью оправдалась. Глуповатый парень купился на лесть и даже, кажется, влюбился в очаровательную журналистку.

Однажды певец устроил светскую вечеринку на даче своего продюсера. Собрался узкий круг знакомых отметить какое-то незначительное событие.

Дарья уговорила Святого составить ей компанию.

– Не похож я на деятеля эстрады, – твердил Святой, собиравшийся потрудиться с Николаевичем над сложной деталью в мастерской.

– Ты в зеркало давно на себя смотрел? – встав в позу рассерженной домохозяйки, спросила Дарья.

Святой засмеялся.

– Вылитый киногерой! Волевой подбородок, мужественный взгляд, античная фигура... Знаешь, ты на Стивена Си-

гала похож. Только седину на висках покрасить надо.

Ладонь Дарьи прикоснулась к вискам Святого.

– Ну, давай без нежностей. Зачем понадобилось мое присутствие на этом сходняке? – с фальшивой грубостью спросил Святой.

– Хочу, чтобы ты присмотрелся к одному типу. Отвратительный субъект. По-моему, поставляет наркоту моему подопечному и всей этой гоп-компании. Кличка – Анус.

Святой взорвался смехом. Насмеявшись до слез, он переспросил:

– Ты ничего не путаешь? С таким погонялом в приличной компании не прописывают и дальше порога в дом не пускают. На зоне подобными кликухами только конченных бедолаг награждают.

Дарья рассказала, что в прошлом поставщик наркотиков был неплохим гитаристом, носившим псевдоним Агнус. Но, подсев на иглу, он быстро опустил себя и растерял талант. Стал приторговывать «дурыю», сошелся с темными личностями. Используя старые связи, поставлял средства, дарующие кайф, многим артистам. Однажды при проведении операции отделом по борьбе с наркотиками спас известную певицу, в сумочке которой находился пакетик с кокаином. В кафе, где парни из ОБОНа проводили повальный шмон, он умудрился забрать пакет и удачно запаковать в завалившийся в кармане презерватив. Используя замешательство и погасший свет, он, выскочив в туалет, затолкал улику на неве-

роятную глубину в собственную прямую кишку. Милиция ограничилась выборочным визуальным осмотром. В заднице волосатого экс-гитариста, воняющего дерьмом, никто фонариком светить не стал. Певица избежала скандала, а за Агнузом закрепилась слава надежного парня. Но благородный псевдоним видоизменился в неприглядную кликуху.

– Да, когда мужик загремит на зону, быть ему первым пехом! – констатировал Святой, выслушав эпопею музыканта, ставшего на скользкую тропу наркоторговли.

– Подозрительный, сволочь. Все на меня косится. Пристаёт с предложениями кокса понюхать.

– Кокаина?

– Ага, прилипчивый, зараза. Я боюсь этого наркошу с перекошенной крышей, – Дарья доверчиво прильнула к Святому.

Больше уговаривать его не пришлось.

Когда они приехали на дачу, тусовка веселилась вовсю. Нализавшийся певец приставал к флегматичной девице. Продюсер, плотный коротышка лет пятидесяти, жарил шашлыки, поливая мясо виноградным вином. Еще несколько неприглядных фигур слонялись по участку с видом заблудившихся зомби.

Гостей усадили за стол. Подали чистые приборы и тарелки. Напротив Святого примостился изрядно поддатый длинноволосый парень с трехдневной щетиной на впавших щеках.

– Агнус! – манерно поводя плечами, представился он.

Святой отвернулся, проигнорировав желание неопрятного экс-музыканта завязать знакомство. От него за версту несло терпким запахом дорогого мужского одеколona, смешанного с потом. Удушливый аромат начисто отбивал аппетит.

Стол был накрыт на веранде, откуда был виден весь двор. Подчиняясь правилу профессионала, Святой внимательно осмотрел окрестности, заранее подготавливая возможные пути отступления. От угла дома к забору вилась узенькая тропка.

«Там есть калитка...» – сообразил Святой.

Компания веселилась, как могла. Визжали девицы. Продюсер, позабыв о шашлыках, пытался затащить внутрь дома упитанную даму, выделявшуюся пышностью форм и необъятным задом. Толстуха капризничала и упиралась.

– Юрик, а где наш соловей?! Пусть он споет, – сложив губы бантиком, требовала пышногрудая дива.

Подрагивающий от желания коротышка грязно материлась, лапая недоступную даму за филейные места:

– Какой соловей? Мне блевать хочется от его пения. Лапуля, мои «бабки» и возможности из этого мудака звезду сделали. Ну, пойдем наверх, киска! Похулиганим.

Вечеринка перерастала в оргию. Внезапно из дверей дома пулей вылетела худосочная девица. Следом за ней поспешал растрепанный певец со спущенными до колен штанами. Девица на ходу изрыгала проклятия:

– Импотент поганый! Лезет со своим засушенным стручком, а сам ни фиги сделать не может!

Давший слабину певец споткнулся и кубарем полетел вниз. Потом с трудом поднялся, подошел к гогочущему Анусу и попросил:

– Дай кокса нос попудрить. Я эту суку без допинга трахнуть не могу.

– «Бабки» вперед, – захлебываясь от хохота, произнес длинноволосый.

На помощь подшефному пришел продюсер. Он навалился округлым животом на тщедушного Ануса. Тот отступил к веранде, продолжая гоготать, словно гусь. К веранде стали подтягиваться гости. Некоторых Святой видел в телевизионных шоу, на концертных афишах. Но теперь они предстали в другом обличье: без приклеенных улыбок, без лучащегося оптимизма в глазах. Перед ним была пьяная толпа, ничем не отличавшаяся от упившейся команды работяг из дешевой пивнушки.

– Анус, не выкаблучивайся. Я за «дурь» разбашляюсь. Дай народу оторваться, – заплетающимся языком приказал продюсер.

Пакетики с белым веществом перекачевали из кармана длинноволосого в протянутые потные руки. Схватив толстуху, хозяин вечеринки скрылся в доме. За ним последовали певец и большая часть компании. Вскоре из дома донеслись восторженные вопли, переходящие в сладострастные стоны.

«Свинарник! Хуже животных. Те хоть без наркоты случкой занимаются, а эти уже без „дури“ не могут». – Святой сидел на ступенях, машинально разминая сигарету.

Он упустил из вида Угланову, но в дом зайти не решался. Увидеть Дашку в клубке потных переплетенных тел было бы выше его сил. Случись такое, и участники свального греха познакомились бы с кулаками бывшего спецназовца, надолго позабыв о радостях секса.

«Никогда нельзя терять контроль над собой. С чего ты взял, что Дарья в доме вместе с этим быдлом? Есть пределы, которых она не переходит», – рассуждал Святой, отгоняя глупые мысли.

Смеркалось. От стройных сосен, окружавших дачу, протянулись фиолетовые тени. Где-то в глубине соснового бора тревожно застрекотали сороки. К птичьему разговору добавилось мерное урчание двигателя.

«Опоздавшие спешат на случку», – зло подумал Святой, полагая, что по дороге едут подзадержавшиеся гости продюсера.

Откуда-то с задворков донесся сдавленный девичий крик. Святой прислушался. Слабеющий крик повторился на фоне заливающей матерщины. Сбежав со ступеней, Святой стремглав бросился к углу дома. Он не сомневался, что кричала Дарья. Обогнув угол, он удостоверился в своей догадке.

У дощатой будки, бывшей то ли туалетом, то ли сараем для инструментов, шла борьба. Разъяренный Анус потро-

шил дамскую сумочку, прижимая свободной рукой Дарью к дощатой стене.

– Зачем тебе диктофон?! Что ты, сучка, записывала? – вопил наркоторговец, пытаясь изъять кассету из аппарата.

Углонова отчаянно сопротивлялась. Растопырив пальцы, она искала глаза Ануса.

– Отпусти, вонючая скотина! Отпусти, хуже будет.

Платье с порванной бретелькой сползло с плеча девушки, оголяя высокую грудь. Дарья в гневе выглядела великолепно. Раскрасневшаяся, с гривой разметавшихся волос, со сверкающими глазами, она выглядела амазонкой, противостоящей гнусной твари, выбравшейся из преисподней.

Святой даже притормозил, увидав редкое зрелище – сражающуюся, как львица, подругу. Она, увидев подмогу через плечо навалившегося Ануса, ослабила бдительность. Лохматый экс-гитарист не преминул воспользоваться моментом.

Изловчившись, он поднял подол легкого платья девушки и запустил туда руку, которая мгновенно впилась в бархатную кожу внутренней стороны бедра журналистки. Рука наркоторговца поднималась все выше и выше, а слюнявые губы мусолили упругую округлость полуобнаженной груди.

– Крошка, мы сумеем договориться. Я никому не скажу о диктофоне... Тихо, малышка, тихо... – шепелявил Анус, пытаясь расстегнуть ширинку.

Холодный голос огрел его словно плетью:

– Наркоту в задницу паковать собрался? Прикрой клин,

болван.

Музыкант не успел повернуться. Святой, взявшись железной хваткой за брючный ремень, украшенный железными заклепками, приподнял Ануса, отрывая от земли. Тот беспомощно засучил ногами, обутыми в белые кроссовки. Его руки совершали махательные движения, будто он пытался взлететь.

– Ты на кого наезжаешь! – тонко взвизгнул лохматый, не понимая, почему он оказался в невесомости.

Святой бросил его на шершавую стену сарая. Худощавый гитарист буквально впечатался в доски. Упав, он схватился за расплюснутую физиономию, испещренную оспинами заноз.

– Фашисты, что вы делаете, – заныл Анус, катаясь по траве.

– Руки не распускай! Представляешь, выследил меня и набросился, вонючка треклятый. Разобраться со мной решил, – возмущенно щебетала Дарья, поправляя гардероб.

Она подобрала сумочку, сложила разбросанные вещи и походя пнула наркоторговца ногой.

– Яйца бы тебе раздавить, да пачкаться не хочется. Скоро сами от «дури» отвалятся.

Быстро сообразив, что с телохранителем журналистки шутить не стоит, Анус попытался изобразить потерю сознания. Он пустил пену и страдальчески закатил глаза.

Спектакль сорвался. Резкий скрежет срываемых с петель

ворот нарушил вечернюю тишину. Вслед за этим двор заполнился голосами, ревущими команды и предупреждения:

– Всем оставаться на своих местах! Не дергаться! Руки за голову! Лицом к стене! Петров, осмотри двор!

Двигаясь вдоль стены дома, Святой дошел до угла и осторожно выглянул. Бригада людей в камуфлированных комбинезонах, выстроившись цепочкой, заходила в дом. По обеим сторонам лестницы стояли два автоматчика, взяв оружие на изготовку.

Медлить было нельзя. Бесшумным шагом Святой вернулся к сараю:

– История повторяется. В гости ОБОН пожаловал.

– Заложили! Ой, бя, заложили... – по-бабьи завыл Анус, схватившись за голову.

Встреча с представителями закона сулила наркоторговцу долгое пребывание на лесоповале. Он съежился, как от приступа язвенной болезни. Мозг Святого в минуты опасности моментально просчитывал все варианты выхода из затруднительной ситуации. Беседа с борцами антинаркотического фронта и ему могла доставить массу неприятностей.

Для начала Святой утихомирил впавшего в панику Ануса. Он легонько, но ощутимо двинул наркоторговца кулаком под ребра. От удара Анус подпрыгнул, подавившись собственными воплями.

– Заглохни, придурок, – подведя кулак под раскровяненный нос лохматого, посоветовал Святой. – Много «дури» с

собой?

Из вывернутых карманов Анус извлек пригоршню пакетиков с белым порошком кокаина и примерно такое же количество расфасованной марихуаны.

– Запасливый, – сквозь зубы процедил Святой.

От такой партии наркотиков невозможно быстро избавиться, не оставляя следов. Для любого оперативника обнаружение значительного количества «дури» было бы настоящим праздником. Задержанного можно провести по самой суровой статье, впаяв солидный срок и заслужив поощрение начальства.

– Надо сматываться, приятель. Столько наркоты тебе в задницу не затолкать. Прямая кишка лопнет, – взяв за плечи, Святой потрянул сомлевшего от страха поставщика наркотиков.

– Куда? Везде милиция, – журналистка держалась молодцом.

Дарья не паниковала. Напротив, она вела себя с потрясающим самообладанием.

– Ребята шурудят в доме. Это их ошибка. Но скоро начнут проверять территорию. Тогда и мы окажемся в каталажке, а затем и в камере предварительного заключения. Анус, тебе хочется кормить тюремных клопов? – задал риторический вопрос Святой.

– Не-а...

– Тогда ноги в руки и за мной короткими перебежками.

Отставших и слабых буду добивать на месте, – шутливо пригрозил бывший спецназовец, не оставивший на поле боя ни одного раненого, ни одного тела погибшего товарища.

В синем сумраке группа из трех человек помчалась к заветной калитке. Первой бежала Дарья. Следом за ней, забавно подпрыгивая, словно у него вылезла кила, семенил лохматый наркоторговец. Замыкал мини-колонну Святой.

Где-то за их спинами бушевала какофония звуков. Истошно ревел обкумарившийся продюсер. Обоновцы волоком тащили коротышку в машину, а он проклинал служителей закона на чем свет стоит:

– Вы же меня с бабы сняли, изверги! У меня раз в году получается женщину поймать. Никакая «Виагра» не помогает. Скоты...

Глухие удары сопровождались криками людей в масках, которые в выражениях тоже не стеснялись:

– «Браслеты», «браслеты» шалаве надень...

– Не могу, она, бля, кусается...

Зачистка территории дачи проводилась с размахом и шумом, а шум был союзником беглецов. Калитка, едва державшаяся на проржавевших петлях, была закрыта на висячий замок. Этим входом давно не пользовались. Дарья, дернув за ручку, разочарованно произнесла:

– Заперто.

Тихо заскулил Анус, навалившись впалой грудью на высокий забор.

– Вы что думали, нас лифт будет ждать? А ну посторонитесь, – ударом ноги Святой вышиб калитку.

Путь к свободе был открыт. Темный лес манил своей непроницаемой чернотой, в которой так легко было затеряться. Святой, взявший на себя командование группой беглецов, приказал:

– Не теряться, не растягиваться и не отставать! Возможно, ребята не такие глупые и выставили оцепление. Нам надо выйти к шоссе...

– Лучше на железнодорожную станцию. Там затеряемся среди дачников, – предложила Угланова.

– Молоток, Дашка! Настоящий диверсант! – засмеялся Святой и, обернувшись к воспрявшему духом Анусу, сурово произнес: – А с тобой, долгогривый, я бы в разведку не пошел. Попадешься ментам, живым в землю закопаю. Только попробуй отстать, кенгуру долбаное!

Он специально избрал такой стиль общения, свойственный крутым уголовникам, для которых зона – дом родной. Теперь патлатый хилиак трижды подумает, прежде чем замахнуться на Дарью. Люди склада Ануса всегда пасовали перед грубой силой уголовщины.

– Я усек. Зуб даю, буду идти нога в ногу, – пытаюсь подражать воровской фене, забормотал экс-гитарист.

До станции надо было преодолеть расстояние около километра. Идя лесом, дорогу можно было сократить ровно вдвое. Святой выбрал короткий путь. Он уверенно вел груп-

пу, ориентируясь на гул проходящих поездов. Непредвиденная прогулка по вечернему лесу проходила в полнейшем молчании. Лишь астматически сипел прокуренными легкими Анус и хрустели ветки под ногами. Желтый серп луны, вскарабкавшийся на небосклон, освещал дорогу.

Неожиданно Святой сделал знак остановиться. На малюсенькой лесной поляне, которую предстояло пересечь беглецам, сидел пес. Широкогрудая служебная собака, немецкая овчарка с рыжими подпалинами по бокам, ждала людей. Увидав беглецов, собака встала. Приподняв верхнюю губу, пес зарычал, обнажая внушительные клыки.

– Что? – Анус налетел на Дарью и, выглянув из-за плеча девушки, подался назад.

Собака изготовилась к прыжку. Она присела на задние лапы, прекратив рычать. Глаза пса встретились с глазами человека. Святой смотрел пристально, стараясь не моргать. Он был первым, и клыки овчарки предназначались ему.

«Уходи», – мысленно повторял Святой, отправляя послание только глазами.

Неожиданно овчарка поджала хвост и отпрыгнула в сторону. Пес словно признал право сильнейшего идти своей дорогой. Он подчинился гипнотическому взгляду человека, стоявшего перед ним.

– Вперед! По одному. Без резких движений, – шепнул Святой, пропуская девушку и наркоторговца.

Поляна оставалась позади, когда чей-то голос позвал:

– Ральф, ко мне! Куда ты подевался?

Среди деревьев появилась фигура хозяина собаки. Высокий парень в черном берете и пятнистой форме беспечно брел по лесу, подсвечивая дорогу фонариком. Милиционер, выставленный в пикет, искал своего четвероногого напарника. На плече у парня болтался короткоствольный автомат и попискивало переговорное устройство. Святой заметил милиционера первым. Тот шел прямо на них, но смотрел под ноги, видимо боясь зацепиться за корягу или корень сосны, которому было тесно под землей.

– Ложись, – скомандовал Святой.

Первым, естественно, грохнулся Анус, зарывшись лицом в подушку мха. Дарья приземлилась менее удачно. Напоровшись на острую ветку, девушка громко охнула.

– Кто здесь? – милиционер снял с плеча автомат.

– Скажите, пожалуйста, как к станции выйти. Я, кажется, заблудился, – миролюбиво произнес Святой, направляясь к парню.

Сноп света от направленного в лицо фонарика слепил глаза.

– Документы есть? – требовательно рявкнул милиционер.

На его плечах блестели сержантские лычки. Сержант потянулся к кнопке переговорного устройства. Рация отозвалась сухим потрескиванием и пронзительным писком радиопомех.

– Первый, ответь Четвертому, – пытался выйти на связь

милиционер.

– Какие документы в лесу? Помилуйте, уважаемый. Я же не браконьер и не маньяк, чтобы у меня документы требовать, – тарабанил Святой, стараясь отвлечь внимание сержанта.

Сократив дистанцию до нужного расстояния, он бросился на милиционера. Сержант не успел опомниться, как оказался на земле, придавленный коленом нападавшего. Выбитый из рук автомат валялся рядом. Беспорядочная возня продолжалась доли секунды. Пальцы Святого пробежались от подбородка милиционера к вискам, затем нащупали заушные впадины и одновременно нажали на точки, отключающие сознание. Сержант глубоко зевнул, впадая в беспробудный сон.

– Подъем, лежебоки! Надо успеть на поезд, – призывно крикнул Святой.

Когда люди ушли, из зарослей появилась собака. Она обнюхала хозяина, потыкалась мокрым носом в лицо сержанта. Убедившись, что хозяин жив, пес улегся рядом охранять его покой...

Беглецы успешно добрались до станции. Свисток электровоза возвестил о прибытии поезда. Сев в вагон, единственные участники тусовки, избежавшие ареста, облегченно все разом вздохнули.

Дарья подвела итог приключения:

– Пронесло.

Она прислонилась к плечу Святого. Ее волосы щекотали

щеку, пьянили своим ароматом.

«Хорошо бы так ехать и ехать в никуда. Когда тебя никто не преследует. Сидеть и беззаботно пялиться в окно, обняв любимого человека», – думал Святой, ощущая тепло дыхания девушки.

А справившийся с испугом Анус тарабанил без остановки, пугая мирных обывателей резким голосом и диким видом:

– Вернусь, наширяюсь в говно! Сниму стресс по полной программе... Ну кто-то же заложил, навел на продюсера. Кругом стукачи! Даже на природе толком оттянуться нельзя. Конкуренты паскудят. Факт.

– Завязывай, чудик, с наркотой. Сгниешь в тюрьге или от передоза откинешься, – с внезапной жалостью к лохматому музыканту, променявшему служение музам на грязное ремесло, посоветовал Святой.

– Не могу, – с обреченностью приговоренного ответил Анус.

На вокзале они расстались. Счастливый продавец наркотиков торопился осуществить свой план и впасть в блаженную нирвану забытья, где не было места служакам ОБОНа. В порыве благодарности он поймал Святого за рукав:

– Возьми «снежка». Словишь кайф на халяву.

– Даром, что ли, кокаин предлагаешь? Он ведь «бабки» стоит, – Святой притворился растроганным щедростью нового знакомого.

– Ты от ментов меня конкретно отмазал. Век благодар-

ным буду. Не гужуйся, бери «снежок». Гарантирую классный улет. А «бабки» – моя проблема. Отвечаю.

Дарья, подхватив под локоть впавшего в расточительство Ануса, отвела его к коммерческой палатке, возле которой топтались несколько подростков, считающих деньги на пиво. Нагнувшись к уху тщедушного волосатика, Дарья доверительно зашептала:

– Не суйся к моему другу с сомнительными предложениями. Еще раз предложишь всякую дрянь, он тебе в рог так залимонит, что из-под асфальта экскаватором не выкопают.

– Такой правильный?! – игриво подмигивая, съязвил Анус.

– Живет по своим понятиям, – значительно произнесла Угланова, – но у меня к тебе есть интерес.

– Какой?

– Будешь поставлять мне информацию.

Анус сморщился, будто проглотил целый лимон:

– Офигела?! Мне за стукачество яйца через рот достанут. В нашей среде не принято сливать информацию. В момент путевку на кладбище выпишут, – он стремился придать вес собственной персоне.

Дарья уже навела справки о личности Ануса, строившего из себя воротилу наркобизнеса, этакое наркобарона из колумбийского картеля, прибывшего покорять Россию. На самом деле опустившийся экс-музыкант был мелкой сошкой, коробейником, разносившим товар состоятельным покупа-

телям.

– Агнус, гарантирую полную анонимность. Никто не узнает об источнике информации. Я девушка щедрая. Экономить на тебе не буду, – увещевала Дарья, не надеясь на успех.

Поток прохожих двигался мимо киоска, заслоняя разговаривающую пару. Святой терпеливо ждал завершения переговоров. Ему не нравился Анус, и продолжение знакомства с провонявшим потом и парфюмами субъектом он считал глупостью. Но в дела Углановой не вмешивался до тех пор, пока вмешательство не становилось вопросом жизни и смерти.

А диалог тем временем продолжался. Вечно испытывающий недостаток в деньгах, мелкий делец от наркотиков колебался. От волнения Анус стал обкусывать ногти, прикидывая перспективы сотрудничества. Отвратительный хруст вызывал у Дарьи тошнотворные позывы, но она героически терпела. Покончив с наведением маникюра, Анус сказал, сплевывая остатки ногтя:

– Оставь визитку. Я подумаю. Будет что любопытное – сообщу.

Порывшись в сумочке, Дарья протянула картонный прямоугольник со своими координатами. Анус взял визитку и небрежно засунул в карман джинсов:

– Перезвоню на досуге. Побалдеем, когда твоя горилла будет отсутствовать.

Изловчившись, он чмокнул журналистку в щеку и, насви-

стывая бодрый мотивчик, зашагал к станции метро.

– Гад, – бросила в спину наглецу журналистка.

Возвращаясь к Святому, она ожесточенно терла щеку, словно пыталась избавиться от прилипшей грязи. Не говоря ни слова, Дарья поймала ладонь мужчины и повела за собой.

Москва горела огнями витрин. Неоновый дождь рекламы бесконечным потоком заливал столицу. Чередой двигались машины, подгоняя друг друга звуками автомобильных клаксонов. Суета не исчезала даже в поздние часы. Наоборот, она усиливалась. Казалось, город страдает бессонницей и ищет все новых развлечений, способных успокоить нервы.

– Куда ты меня тащишь? – с напускной суровостью спросил Святой.

– Просто гуляем. Дышим воздухом.

– Кислородом мы надышались на даче. Чуть не опьянели от озона.

Дарья поняла намек. Она виновато наклонила голову. Темные пряди волос скрыли ее лицо.

– Извини, что так получилось. Невезуха. Эту кодлу наверняка давно пасли. А может, действительно происки конкурентов. Этот коротышка-продюсер выгодный контракт пробил. Собственное музыкальное шоу в самое смотрибельное время на общероссийском канале. Кому-то не понравилось, вот и подложили парню подянку. Знаешь, в шоу-бизнесе законы волчьи. Могут сожрать с потрохами и песенку спеть.

Святой вспомнил Влада Листьева, который приезжал в

его часть делать репортаж. Молодой телеведущий «Взгляда» общался с бойцами спецназа без панибратства и не задавал глупых вопросов. Через четыре года фотографию Влада в траурной рамке показало телевидение. А репортаж о подразделении Святого не пропустила военная цензура по соображениям секретности.

– Авантюристка! Пишешь о всякой швали. Рискуешь. Зачем? – задал сакраментальный вопрос Святой, предполагая ответ.

– Кто-то должен разгребать грязь. – Слова, тихо произнесенные Дарьей, на сто процентов соответствовали ожиданиям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.